

687839

О. Н. Мечникова

*Жизнь
Ильи Ильича
Мечникова*

U.S. KAROLINE ABRAM NATIONAL UNIVERSITY

Государственное
Издательство
1926

1-50

3 руб. — р.

ВЛИНИГ
К. ДРОНИ
№ 1-50

Tell.

703

О. Н. Мечникова

Жизнь
Ильи Ильича
Мечникова

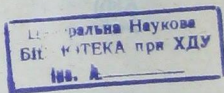
687839

Государственное Издательство
Москва ★ Ленинград

64

Отпечатано
в 1-й Образцовой тип.
Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит 64 525. Гиз 15 530.
Тираж 3 000.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Десять лет прошло со времени кончины Ильи Ильича Мечникова. Ко дню съезда русских бактериологов в Одессе, связанного с юбилейным торжеством учреждения, которому И. И. Мечников дал научное бытие и направление, Государственное Издательство РСФСР выпускает в свет его жизнеописание. Вряд ли был у нас в истекшем столетии естествоиспытатель, вся жизнь которого так полна глубокого интереса и притом не только для естествоиспытателя, для врача, но и для всякого мыслящего человека. И вряд ли был у нас ученый, спутница жизни которого была бы в состоянии так ярко описать и личные переживания ученого, и общественную обстановку, и научные его интересы, его проблемы и достижения в их внутренней и неразрывной связи, как это сделано в настоящей книге.

За 71 год жизни Мечникова естествознание, научная и клиническая медицина не только совершенно преобразились; в известном смысле не будет преувеличением сказать, что в этот период настоящее естествознание и научная медицина только и были созданы. И на мировой арене этого творчества И. И. Мечников стал в первых рядах. Духовный ученик Дарвина и Пастера, И. И. Мечников строил это естествознание и эту медицину на крепком фундаменте, ими заложенном.

Не много было ученых, в которых теоретическое исследование так глубоко, так неразрывно по всему своему замыслу было связано с самыми живыми, с самыми жгучими нуждами человека. И не много было естествоиспытателей, повседневная, фактическая и лабораторная работа которых была бы так ярко озарена неустанной философской мыслью. Отдавшись от всего мистического, от всяких теологических, телеологических, метафизических тенденций, которыми так чревата

натурфилософия, И. И. Мечников закладывал настоящие научные основы материалистического мировоззрения. Сорок лет научного его творчества были „сорока годами поисков рационального мировоззрения“, главная задача которого была — вскрыть источники дисгармонии человеческой природы, т.е. тех глубоких противоречий, которыми она охвачена и в примиряющем синтезе которых человечество так заинтересовано. Разве это не диалектическая постановка проблемы?

И вся эта картина работы научной мысли правдиво освещена автором на фоне общественной и политической жизни, среди которой она разворачивалась. Пред нами эпоха мрачной реакции в России, выжившей, быть может, наиболее выдающегося русского ученого и притом отнюдь не склонного к активной политической борьбе, и из университета, в котором он преподавал, и из бактериологического института, в который он вдохнул научную жизнь, и из страны, которой принадлежали все его привязанности.

Правда, О. И. Мечникова, автор биографии, писала ее вне России, в далеком Париже. Она не пережила с нами отвратительной картины разлагающегося царского режима, ее не было среди нас, когда этот режим свергался, она не пережила с нами Октября и гражданской войны, она не дышала воздухом, не мыслила думами Советской России. И это не могло, конечно, не отразиться на самой книге, тем более, что значительные части ее были написаны еще при жизни Ильи Ильича. Вследствие этого в тоне ее повествования часто слышатся уже чуждые нам мотивы. Слишком мягки для нас картинки крепостной эпохи, в которой протекало детство Ильи Ильича. Иначе бы мы расценили эпизод, описанный в III главе первой части, и т. д. Но зато эти строки были одобрены Ильей Ильичем и в истинном свете рисуют его мировоззрение, — а это для жизнеописания самое важное. А главное, в книге эти мотивы играют совершенно незначительную роль; русский читатель уже привык пропускать их через свою призму. Зато перед всяким, кто прочитает эту книгу, вырастает яркий образ ученого, быть может, не называвшего себя материалистом, но, как не многие, растрившего и крепившего материализм, чрезвычайно далекого от диалектиков, но стихийно увлеченного диалектическим мышлением.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В тихий летний вечер мы сидели вдвоем на своей террасе.

Накануне к Илье Ильичу за некоторыми справками приходил неизвестный ему публицист, собиравшийся писать его биографию.

По этому поводу мы говорили о том, как биография, написанная при таких условиях, должна неизбежно быть поверхностной и неполной; о том, как вообще трудна задача биографа; как необходимо основательно знать человека и все фазы его существования для того, чтобы дать верное представление о его характере и жизни. Интимная сторона всегда более или менее недоступна постороннему; чтобы разобраться в ней, надо долго в близком общении прожить вместе.

Наше многолетнее общее прошлое соответствовало этим требованиям. Вся жизнь Ильи Ильича хорошо мне известна. О детстве его много и живо рассказывала его мать; сам он охотно и часто говорил мне о своем прошлом; вторую же часть его жизни мы прожили вместе.

В его жизни и произведениях все так тесно связано, так вытекает одно из другого, что для цельности понимания их надо знать все звенья его развития.

В созерцательной тишине летнего вечера я заговорила с ним о своих размышлениях. Он отнесся к ним так сочувственно, что этим окончательно укрепил мое намерение писать его биографию.

Он настаивал на рассказе полном, как бы научно-точном, считая, что лишь при этих условиях жизнеописание имеет серьезное значение. Я и руководствовалась этим советом в пределах выполнимого: не всегда возможно вскрывать индивидуальную жизнь, не проникая в чужую, неприкосновенную...

Многочисленными представлялись мне трудности моей задачи, тем не менее я смотрела на нее, как на миссию: если в этой биографии и будут крупные промахи, все же, надеюсь, она даст верное представление о развитии, жизни и деятельности Ильи Ильича.

...Мы долго говорили на эту тему в тот тихий летний вечер. Луна успела уже подняться из-за деревьев, и свет ее серебристыми узорами вырезывался сквозь темные листья плюща. Он заливал и орешник перед домом, и лужайку, и все вокруг, — этот таинственный, мирный свет луны. Под влиянием его предести мы перестали говорить, точно прислушиваясь к внутренним голосам природы и себя самих. В юности голоса эти — неясные грезы будущего; когда уже много пережито — они воспоминания прошлого...

Того, о ком пишу, уже нет...

Без его содействия я не могла бы выполнить своей задачи. Часто, когда он не был слишком утомлен дневной работой, после обеда, удобно усевшись в свое большое кресло, он принимался, со свойственным ему оживлением, яркостью и ясностью, рассказывать мне какой-нибудь эпизод своего прошлого...

Я успела прочесть ему набросок всей первой части этой биографии и несколько глав второй, тогда еще только начатой.

Сколько незабвенных вечеров провели мы таким образом...

Он дорожил этой биографией, считая, что история развития человеческой мысли, характера и жизни всегда представляет интересный психологический документ.

Во время своей длительной тяжелой болезни он часто настаивал на том, чтобы я рассказала „последнюю главу“ его жизни, надеясь своим отношением к смерти уменьшить страх других перед нею. Кроме того он говорил, что люди редко сознательно доживают свой век; еще реже достигают они развития „инстинкта смерти“, а потому такой пример интересен и должен быть описан. По мере сил своих исполняю его волю.

Единственная цель этого простого, но правдивого рассказа — показать Илью Ильича, каким он был, а таким он — опора и поучение.

Севр.

15 декабря 1918.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Государственного Издательства	Стр. III
Предисловие автора	V

Часть первая

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

Глава первая. Панасовка и ее хозяева	3
Глава вторая. Дети	8
Глава третья. Первое сильное впечатление	11
Глава четвертая. Переезд в Харьков	14
Глава пятая. Пробуждение мысли	16
Глава шестая. Предки	19
Глава седьмая. Гимназические годы	23
Глава восьмая. Проблески любви	28
Глава девятая. Первая поездка за границу	30
Глава десятая. Университет	32
Глава одиннадцатая. Пребывание за границей. Эмбриологические исследования	35
Глава двенадцатая. Начало профессорской деятельности	47
Глава тринадцатая. Первый брак	52

Часть вторая

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ. В РОССИИ

Глава первая. Путешествие в калмыцкие степи с антропологической целью	67
Глава вторая. Второй брак. Частная жизнь	71
Глава третья. Период профессуры в Одесском университете	78
Глава четвертая. Деревня	91
Глава пятая. Мессина и фагоцитная теория	94
Глава шестая. Путешествие и пребывание в Танжере	100
Глава седьмая. Одесская бактериологическая станция	101
Глава восьмая. Осмотр зарубежных лабораторий	106

Часть третья

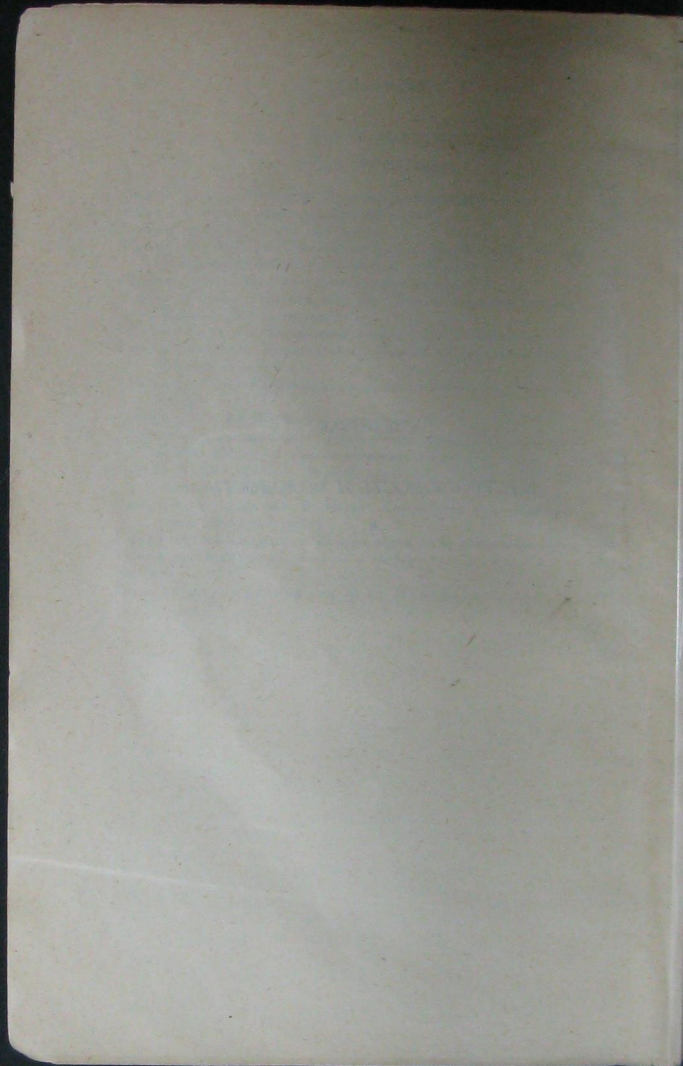
ЖИЗНЬ ВО ФРАНЦИИ

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Жизнь во Франции. Пастеровский институт	110
Глава вторая. Защита фагоцитарной теории	120
Глава третья. Опыты над холерой	125
Глава четвертая. Внеклеточное разрушение микробов. Реакция организма против ядов и клеточных элементов	128
Глава пятая. Иммуитет (невосприимчивость)	135
Глава шестая. Изучение старости. „Этюды о природе человека“. Сифилис. „Этюды оптимизма“.	145
Глава седьмая. Исследование кишечной флоры. Кислое молоко	157
Глава восьмая. Премия Нобеля. Поездка в Стокгольм и Россию. В Ясной Поляне	160
Глава девятая. Кишечная флора. Детская холера и тиф. Популярные статьи	166
Глава десятая. Калмыцкая экспедиция	169
Глава одиннадцатая. Продолжение исследования кишечной флоры. „Сорок лет искания рационального мировоззрения“	178
Глава двенадцатая. Первый сердечный припадок. Развитие инстинкта смерти	182
Глава тринадцатая. В „Норке“. Смерть бабочки шелковичного червя. Объявление войны	191
Глава четырнадцатая. Жертвы войны не на одном поле битвы.	196
Глава пятнадцатая. Болезнь и смерть	203
Эпилог	219
Список научных трудов И. И. Мечникова	227

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПАНАСОВКА И ЕЕ ХОЗЯЕВА

В Малороссии, в степной части Харьковской губернии, Купянского уезда, находилось имение Панасовка.

Оно принадлежало семье Мечниковых; впоследствии оно было продано и перешло в чужие руки. В былое время это было родовое имение Ильи Ивановича, отца Ильи Ильича Мечникова.

Местность, где расположена Панасовка, нельзя назвать ни красивой, ни веселой: степь, бугры, покрытые низкой травой да полынью; бедная деревня, тщедушная растительность, отсутствие реки, — все это вызывает скорее унылое настроение.

Но зато какой простор, какие мягкие, серебристо-пепельные тона, как чудно пахнет степной полынью ранним утром и вечером!

Панасовский дом стоит немного в стороне от деревни, на холме, спускающемся к небольшому пруду. Дом похож на все малорусские помещичьи усадьбы средней руки: полуторазэтажный, с двумя подъездами на переднем фасаде и пустынным двором с видом на большую дорогу. Сзади полукруглый балкон с колоннами и ступеньками, ведущими в сад. В нем — довольно жалкие клумбы цветов, фруктовые деревья, спускающиеся к пруду, винокурный завод на берегу и отлично содержавшийся огород.

Внутренняя обстановка дома обыкновенная, средняя. Никакой претензии на изящество или комфорт. Мебель неуклюжая, старомодная, но не стильная, расставлена шаблонно.

Зато во всем, касающемся стола, — хозяйственность необыкновенная: чуланы и погреба переполнены разнообразной, отборной провизией. Чего-чего там только нет! Видно, что

заботливость хозяев по влечению сосредоточена на этой области; и действительно, во всем околотке Панасовка славится своей едой и хлебосольством.

Судя по очень хорошему портрету, писанному в 1835 году, Илья Иеанович Мечников в то время был красивым юношей, с правильными чертами, с глазами нежно голубыми, со светлыми вьющимися локонами. Он был очень умен, но с тем оттенком скептицизма, который мешает серьезному отношению к жизни и труду. При этом у него был темперамент эпикурейца, и он был военным. Очень рано он женился на Эмилии Львовне Невахович, сестре своего товарища по гвардии.

Она была очаровательна — выдающегося ума, красивого еврейского типа, с чудными темными и огненными глазами, с характером живым, сердцем добрым и нежным. Ее звали Милочкой.

В старости она любила вспоминать, как однажды на балу Пушкин сказал ей: „Que vous portez bien votre nom, mademoiselle“¹. Женившись на ней, Илья Иванович продолжал жить в Петербурге, вести веселый беззаботный образ жизни; через несколько лет все приданое Эмилии Львовны было прожито.

А между тем подрастало уже трое детей, и надо было позаботиться о их будущности.

Вот тогда-то вспомнили, что где-то далеко в Малороссии у Ильи Ивановича есть родовое имение. Сколько энергии и настойчивости должна была проявить Эмилия Львовна, чтобы уговорить мужа переехать туда. И каково было ему покинуть привычную, веселую столичную жизнь для глухой деревни!

Тем не менее переезд был решен. Двух мальчиков, Ваню и Леву, оставили в Петербурге, поместив их в пансион для подготовки в лицей и в школу правоведения.

Илья Иванович взял место ремонтера двух гвардейских полков и с женой, дочерью, тетей жены и своим младшим братом, Дмитрием Ивановичем, переехал в деревню.

Сначала семья поселилась в старом доме, в Ивановке, где родилось еще двое сыновей.

После рождения первого из них, Коли, надеялись больше не иметь детей. Тем не менее через два года, 3 мая 1845 года родился последний ребенок — Илюша.

¹ Как вам идет ваше имя.

Ивановский дом был стар и неудобен. Илья Иванович строил новую усадьбу в другом конце имения, называемом Панасовкой. Таким образом окончательно было свито семейное гнездо.

Эмилия Львовна, со свойственной ей энергией и страстностью, погрузилась в домашнее хозяйство. С одной стороны, она хотела помочь поправить расстроенные дела; с другой — создать мужу обстановку, соответствующую его эпикурейским вкусам. Илья Иванович любил еду и карты, — таким вкусам легко было удовлетворить в деревне. И вот вокруг этого стала вращаться вся жизнь; главной ежедневной заботой был стол; с поваром и ключницей велись длинные переговоры на эту тему. Благодаря крепостному праву дворовых людей было множество, — все заготавливалось дома.

Девичья была полна вышивальщицами, швеями и всякой другой женской прислугой, которой управляла уже немолодая, толстая Авдотья Максимовна, она же Дуняша. Она носила „очипок“ и неизменно одевалась в коричневую кофту и юбку с белыми крапинками. Всех держала она в руках. Заслышав ее мягкие шаги, девушки быстро шептали: „Авдотья Максимовна идет!“. Разговоры мгновенно прекращались, и все погружались в работу. Среди мужского персонала главную роль играл лакей Петрушка, неряшливый, часто пьяный, но добродушный малый. Он обыкновенно дремал за перегородкой в передней.

Кучера, повар и другая прислуга сколь возможно сваливали работу на своих помощников — поварят, форейтора, казачка. Одним словом, все было в порядке вещей, как водилось в помещичьих усадьбах во время крепостного права.

Отношения Мечниковых к крестьянам были хорошие. Крестьян, по тогдашним понятиям, не обижали, несмотря на некоторые крепостнические привычки. Так, за провинность девушек били по щекам и таскали за косы. Даже добрый и спокойный Дмитрий Иванович с размаху давал пощечину своему лакею, когда заставал его пьяным. Но в те времена все это не считалось ни жестоким, ни даже обидным, а совершенно естественным отеческим поучением.

Крестьяне относились доверчиво к Илье Ивановичу, постоянно обращались к нему за советами и в нужде прибегали к его помощи. Он всегда давал согласие своим крепостным

на вступление в брак по их выбору, что в ту эпоху было редким явлением.

Молодые приходили на поклон; жених в праздничном тулупе, подпоясанном ярким поясом; невеста — в красиво вышитой рубахе, с разноцветными лентами в волосах. Они становились на колени и трижды кланялись в землю. Илья Иванович и Эмилия Львовна благословляли их иконами, целовались с ними и давали денег на свадьбу. Крестьяне любили Мечниковых и считали их добрыми помещиками.

Воспитанием детей заведывала Эмилия Львовна. Ее личная педагогика сводилась главным образом к нежному баловству; она же выбирала нянек и приглашала учителей. Пока мальчики были малы, ими занималась бабушка Елена Самойловна; потом они переходили в руки гувернерш и учителей. Деятельность Ильи Ивановича заключалась в покупке лошадей на ярмарках и конных заводах и в препровождении их в Петербург для сдачи ремонта.

Так как путешествия эти совершались на лошадях, на „долгих“, с остановками в разных городах, то он пользовался этим для крупной игры в карты и для развлечений, недоступных в деревне.

Сельское хозяйство в Панасовке было очень незначительно, так как имение преимущественно состояло из пастбищ для лошадей и овец. „Делами“ занимался главным образом Дмитрий Иванович. Он был беззаветно предан семье брата. Будучи несколькими годами моложе его, он говорил ему „Илья Иванович“ и „вы“, в то время как тот говорил ему „ты“.

Дмитрий Иванович был высокий угрюмый человек; большею частью он упорно молчал, курил трубку и вышивал на паяльцах. Живая Эмилия Львовна часто говорила ему: „Да что это, Митенька, вы постоянно молчите? От вас слова не добьешься“. На что Дмитрий Иванович неизменно отвечал: „Не всем же вечно болтать, как вы, Эмилия Львовна“. Между ними установились самые хорошие отношения. Дмитрий Иванович был готов идти в огонь и воду за Эмилию Львовну. Она это чувствовала и имела к нему безграничное доверие. Действительно, во все трудные минуты жизни она находила в нем твердую опору.

Мужчины проводили большую часть дня, а иногда и ночи, за картами. Партии составлялись между родственниками и со-

седами. Занятие это считалось важным, существенным. Еда тянулась бесконечно; всего подавалось в изобилии; к блюдам возвращались по нескольку раз; ели как знатоки, обсуждая все достоинства и недостатки кушанья. Вскоре после обеда являлся повар, и общими силами делался заказ на следующий день. Соснувши немного, опять садились за карты.

Так проходили дни за днями в этом культе карт и еды, в разговорах о лошадях да изредка о политике. Илья Иванович начинал лысеть и тучнеть. Трудно было определить его душевное состояние. У него не было „настроений“, он никогда ни с кем, даже с Эмилией Львовной, не говорил „по душе“.

Пока дети были маленькими, он ласкал их. Но, по мере того как они подрастали, все сношения с ними сводились почти исключительно к тому, что утром и вечером они прикладывались к его руке. Однако из этого не следует, что он был равнодушен к ним; напротив, он думал о их благополучии, но в этом вполне полагался на деятельную заботливость Эмили Львовны.

С нею отношения детей были совсем иные. Она не только баловала их, но горячо принимала к сердцу все их детские интересы. Своей отзывчивостью, живостью, общительностью она привлекала их сердца, была их другом и поверенной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕТИ

1834.7 Старшие мальчики, Ваня и Лева, учились в Петербурге. Дочь, Катю, воспитывали дома, как всех барышень дворянских гнезд того времени, с единственной целью выдать замуж. Миловидная, тонкая и стройная брюнетка, она походила на мать, хотя была менее красивой. Умная и нервная, она интересовалась, однако, главным образом, чтением французских романов. Между нею и младшими мальчиками была большая разница в возрасте, тогда как последних разделяло всего два года. Коля, любимец бабушки Елены Самойловны, был хорошенький, толстенький бутузик, с бархатными черными глазами, движениями флегматичными и важными, за что его звали „rara tranquille“¹.

Младший в семье — Илюша, — наоборот, был весь — огонь. Светленький, тоненький мальчик, с нежным цветом лица, светло-каштановыми шелковистыми волосами и серо-голубыми глазами, искрившимися живостью и добротой, он был впечатлителен, вспыльчив, нервен и подвижен, как ртуть.

Его прозвали „m-r vif-argent“². Все ему надо было знать, везде быть, все видеть. Когда за картами, после долгой тишины, вдруг раздавались общие, громкие голоса, — он стремглав бросался в зал, думая: „а вдруг подерутся“. Целый день бегал он по всему дому — то вслед за мамой по хозяйству, при чем попутно пробовал и осматривал все съестное; то бежал в девичью смотреть, как работают, и сам хотел вышивать; всем мешал, надоедал, пока его не выпроваживали. Тогда он искал другое занятие: бежал смотреть, накрывают ли на стол,

¹ „Спокойный папаша“.

² „Господин ртуть“.

что к обеду, или приставал ко взрослым, забрасывая их странными вопросами.

Он успокаивался только тогда, когда его внимание было поглощено каким-нибудь наблюдением — насекомым, бабочкой, которую надо поймать, или игрою старших в карты. Особенно же он притихал, когда кто-нибудь садился за рояль. Приютившись у инструмента, он мог часами слушать музыку.

Как и остальные дети, он был чрезвычайно избалован. Больше всех баловала его мать, отчасти как младшего и в противовес бабушке, которая оказывала явное предпочтение Коле, отчасти потому, что у Илюши часто болели глазки, и он считался золотушным ребенком. Плакать и трогать глаза ему было запрещено, и потому все позволялось, лишь бы избежать этого. Илюша, как умный мальчик, отлично понимал выгоду своего положения и злоупотреблял им. Как только ему что-нибудь запрещали или журили за шалость, — он делал вид, что трет глаза, и, хныкая, говорил: „а я тир у и плачу“.

Вследствие таких условий он был особенно избалован и капризен. Мать называла его „нервным ребенком“, а сестра, которой часто приходилось воевать с ним, — „убоищем“.

Однако в действительности Илюша был чрезвычайно добрым, любящим и нежным. Он был очень ласков, особенно с матерью; на него всегда можно было повлиять, действуя на его доброе сердце.

Чувствительный к добру, он в то же время глубоко страдал от всякой несправедливости или обиды. Он не мог простить бабушке ее явного предпочтения Коле. Горько задевало его то, что она всегда отдавала лучшие куски своему любимцу. Всякий раз, когда обносили блюдо за столом, бедный Илюша с замиранием сердца следил за ним; а бабушка, точно ничего не замечая, клала заманчивый кусок к себе на тарелку, спокойно разрезывала и отдавала его Коле.

Вечером Илюшу укладывали спать и говорили: „Ну, детка, теперь надо помолиться, а потом и баиньки“. Но этого добились не сразу. Нашалившись и уставши так, что глазки уже сами начинали слипаться, он, наконец, решился стать на колени в своей кровати, сложить ручки и начать молитву: „Господи, спаси и помилуй папу, маму, бабуш...“, но тут он вспоминал, как бабушка обидела его за столом, и, спохватившись, при-

бавлял: „Нет, бабушку не надо; она злая... Братьев, сестру, тетей, дядей, всех людей и меня „малыш“ Илю!“.

Окончив молитву, он все-таки еще не сразу засыпал. Как нервный ребенок, он боялся оставаться один и от времени до времени приоткрывал веки, чтобы увидеть, сидит ли возле него одна из босоногих девушек, приставленных к нему, пока он уснет. Иногда, думая, что он уже спит, девушка на цыпочках уходила. Илюша, приоткрыв глазок, не видя ее, вдруг встрепет и с вытянутой шейкой с минуту всматривается в полутемную комнату. Ночник тускло освещает ее; от мерцания пламени большие тени предметов точно двигаются и скачут. Илюше вдруг становится так страшно, что он прячет голову в подушку и кричит изо всех сил. Прибегает Авдотья Максимовна и спешит успокоить его. Она накидывается на провинившуюся девушку: „Ну, как же не стыдно! Ну, как же можно так оставлять благородное дитё!“. Илюша еще всхлипывает, но уже знает, что теперь его не оставят одного, и скоро засыпает глубоким детским сном.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВОЕ СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

В 1850 году детей везут в Славянск, на купальный сезон. По степной дороге в знойный летний день катилась тяжелая панасовская карета шестеркой с форейтором. За ней, на некотором расстоянии, чтобы пыль не мешала, следовал неуклюжий тарантас.

В старинной четырехместной карете, с запыленным потрепавшимся верхом, сидела Эмилия Львовна с тремя детьми. На козлах, рядом с кучером, клевал носом дремлющий лакей. В тарантасе ехал Дмитрий Иванович с родственником Гес де-Кольва. Жара стояла невыносимая. В начале дороги все были возбуждены и волновались. Эмилия Львовна вспоминала, не забыто ли что-нибудь, и обсуждала с Катей предстоящее устройство в Славянске. Мальчики высовывались из окон, заглядывая на лошадей и на тарантас, делая всякие замечания. Ильюша так ерзал и болтал, что ему то и дело говорили: „Да сиди же смирно, упадешь, дай же хоть слово сказать“, и т. д.

Мало-по-малу однообразие степи, жара и укачивающее движение кареты навели дремоту на больших и малых. Тарантас отстал: Дмитрий Иванович с товарищем хотели заехать к тетушке, по соседству. Наконец вдали показалось очертание леса. Все ближе и ближе — и скоро подъехали к лесному постоялому двору: „Калмыков — постоялый“. Все опять оживились. Мальчики засуетились, ими овладела потребность размять ноги, побегать. Они стали упрашивать мать отпустить их в лес, пока будут кормить лошадей. Эмилия Львовна согласилась, но не иначе, как с Петрушкой, и ненадолго. Вкусно перекусив, дети заторопились в лес; там все манило их: чаща, лужайки, овраг, таинственная тропинка. Но не успели они

проникнуть немного вглубь, как до них стал доноситься какой-то смутный, тревожный гул. Они остановились, прислушиваясь. Это были отдаленные грубые голоса шумной толпы. Дети сразу притихли и послушно заторопились обратно к постоялому двору. Там карета все еще стояла распряженной. Мать тревожно выглядывала из окна и нервно замахала руками: „скорее, скорее“.

Поодаль, вокруг лошадей, стояла толпа мужиков; многие из них были совершенно пьяны. Они кричали, перебивая друг друга, надвигались на кучера и форейтора, отнимая у них лошадей, угрожая не отпустить, пока им не дадут тысячу рублей выкупа. Перепуганные дети с ужасом жались к матери. Сама она была ни жива, ни мертва. Илюша чувствовал, как трепетала ее рука, и весь дрожал. Сердечко его билось, как у пойманной птички. Пьяные мужики казались ему страшными чудовищами разбойниками, которые уведут их и, пожалуй, убьют. Он еле сдерживал слезы.

Мужики успели связать кучера и форейтора и увести лошадей. Прижимаясь друг к другу, Эмилия Львовна и дети прислушивались, не едет ли тарантас. Уж десять раз то одному, то другому чудился колокольчик. Наконец звук его действительно раздался вдали. „Едут, едут“, радостно шептали дети. Бросились к Дмитрию Ивановичу объяснять, в чем дело. Он с товарищем тотчас направился к толпе; начались переговоры, долго ни к чему не приводившие. Наконец, Гес де-Кальва пришла в голову мысль сказать, что он съездит к своей тетушке, соседней помещице, и привезет выкуп. Мужики согласились отпустить его одного, задерживая остальных, в качестве заложников.

Через некоторое время, казавшееся детям бесконечным, зашумел приближающийся колокольчик; на этот раз он сопровождался топотом людских шагов. Появился тарантас, а за ним целый взвод „бессмертных гусар“. Вместо того, чтобы ехать к тетушке, Гес де-Кальва направился в ближайшее село, где был лагерь, и рассказал офицерам о случившемся. Те тотчас же пришли на помощь со своими солдатами. Картина сразу изменилась. Эмилия Львовна и Катя потихоньку крестились. Илюша выпустил мамину руку и уж не жался к ней, а, вытянув шею, во все глаза следил за тем, что теперь будет. „Ну, — думал он, — теперь нас не убьют. Теперь им доста-

нется. Так им и надо". И может быть в первый раз в жизни в его маленьком сердце зашевелилось недоброе чувство к людям. А тем временем началась грубая расправа, свалка, крики, драка. Мужиков связали. Из соседней деревни прибежали бабы и парни. Все кричали, причитывали. Одна из баб подбежала к молодому офицеру и с бранью ударила его по лицу. Офицер пришел в ярость, стал кричать, чтобы ей забили рот землею; солдаты повалили ее; мужики бросали в них комьями земли. Илюше было страшно, и все это насилие возбуждало в нем отвращение. Кучера и форейтора, наконец, освободили, привели лошадей, наскоро запрягли их в карету, и, пока шла расправа, семья уехала дальше. Уже без приключений добралась она в Славянск.

Этот эпизод — первое сильное и яркое впечатление, которое запомнил маленький Илюша. Оно глубоко поразило его и оставило следы на всю жизнь, внушив ему ненависть к грубой дикости и насилию, откуда бы оно ни исходило.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕРЕЕЗД В ХАРЬКОВ

1834 На следующий год решено было переехать в Харьков. Кате минуло семнадцать лет; пора было ее вывозить. Мальчики продолжали вести детский образ жизни: беготню, игры, шалости. Коля учился читать и писать с бабушкой. Илюша быстро запоминал ту или другую букву и таким образом очень быстро сам научился читать.

Переезд в Харьков был, конечно, великим событием. Задолго весь дом был занят приготовлениями. Дети радовались перемене, — не могли дождаться минуты отъезда. Наконец она наступила. Разместились по экипажам, кучеру сказано было: „с богом, трогай“, — и покатили по степной дороге.

В Харькове установился панасовский образ жизни с приобщением светского элемента из-за выездов Кати и приема многочисленных гостей. Свобода детей была несколько ограничена. Уже дорогой в Харьков им внушали, что в городе нельзя кричать на улице, нельзя показывать пальцами, гулять одним, шуметь в доме и т. д. Дети впервые бессознательно почувствовали, что семья их — не центр вселенной, что есть множество других семей, и даже что с ними надо считаться. Это открытие было очень неприятно Илюше.

Мечниковы поселились в большой квартире, над хозяевами дома. Однажды дети неистово расшалились, подняли страшную беготню и визг. Снизу пришли сказать, что хозяйка больна и просит не шуметь. Илюшу возмутила эта помеха в самом разгаре игры, и он пришел в такую ярость, что лег на пол и принялся нарочно свистеть в щель. Укротить его стоило больших усилий¹.

¹ Об этом эпизоде упоминаю согласно желанию Ильи Ильича. Эпизод этот остался для него укором совести. К тому же Илья Ильич всегда говорил, то в биографии не следует умалчивать ни о чем дурном.

В Харькове кругозор детей стал быстро расширяться. Дмитрий Иванович повел их в театр, и новый мир фантазии открылся им. Впечатление было так сильно, что они на другой же день решили представлять. Сначала они воспроизводили виденную пьесу, а затем, по инициативе Коли, стали сами сочинять. Коля написал драму под названием „Горячий чай“. Сюжет заключался в том, что гостю предложили такого горячего чаю, что он обжегся им, рассердился, поссорился с хозяином, вызвал его на дуэль и т. д. Илюша, конечно, поспешил подражать брату и сочинил что-то в том же роде, но уж такую чепуху, что сам почувствовал слабость своей попытки и отказался от литературной деятельности. Вообще в этот период он потерпел целый ряд неудач, сильно повлиявших на его „самоопределение“. Коля, по примеру старших, часто играл в карты то с другими детьми, то с горничными. Илюша тоже пробовал силы на этом поприще; но, благодаря своей нервности, так волновался, что вечно оставался в „дурачках“, и обыкновенно игра кончалась ссорами и слезами. Это внушало ему полнейшее отвращение к картам. Коля очень любил разные физические упражнения — гимнастику, единоборство. Илюша, как младший, естественно, оказывался наиболее слабым и из самолюбия стал уклоняться от этих удовольствий. Таким образом путем исключения была расчищена почва для новых влияний, иных, чем домашние.

Но пока в харьковской обстановке не появлялось никаких новых элементов, и жизнь Илюши протекала попрежнему в теплой атмосфере материнской заботливости и ласки, в детских играх и начальном обучении.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПРОБУЖДЕНИЕ МЫСЛИ

1838 г.
Зимой 1851 года было получено известие о том, что у второго сына Мечниковых, Левы, сделался коксит¹ и что доктора советуют сейчас же увезти его из Петербурга. Горько плакала и отчаивалась бедная Эмилия Львовна. Дмитрий Иванович спокойно объявил, что тотчас едет за Левой; достал свою огромную медвежью шубу, мохнатую шапку, теплые сапоги и в тот же день отправился на перекладных в Петербург. Через столько времени, сколько необходимо для поездки туда и обратно, он вернулся с Левой. Последний был красивый, живой, умный и талантливый тринадцатилетний мальчик. Он ходил на костылях, но помимо этого был совершенно здоров. Его решили готовить в гимназию и для этого пригласили учителей студентов. Они-то и внесли новый элемент в жизнь семьи.

В 1853 году на каникулы в качестве учителя Левы приехал студент-медик Ходунов. Он занимался толково и добросовестно, стараясь не только учить, но развивать ученика, внушать ему любовь к науке. Ученье шло хорошо, так как Лева был крайне способный мальчик; но он слишком разбрасывался, а потому был поверхностен, что несколько охлаждало Ходунова. Между тем его все более и более интересовывал маленький Илюша. Первые сношения с ним завязались во время общих прогулок. Ходунов, проходя с Левой ботанику, делал с ним экскурсии для знакомства с местной флорой. Сначала Илюша сопровождал их только ради прогулки, но очень скоро так увлекся и интересовался ботаникой, что обратил на себя внимание учителя, и мало-по-малу весь его интерес

¹ Воспаление тазобедренного сустава.

сосредоточился на мальчике, которым он серьезно занялся. Илюша с настоящей страстью собирал и определял растения, составляя гербарий. Вскоре он отлично знал местную флору; воображая себя ученым, писал сочинения по ботанике; все свои деньги отдавал он другим детям и братьям, чтобы заставить их слушать свои лекции. Уже с этого времени вполне определилось его призвание. Ему тогда было восемь лет. По возвращении в Харьков он стал покупать на все дареные ему деньги разные книги по естественной истории. Он читал их с увлечением, хотя, конечно, многого не понимал; но и это непонятое возбуждало его любознательность. В одиннадцать лет он чуть не поплатился жизнью за любовь к естествознанию. Ловя в пруде гидры для своих наблюдений, он так увлекся, забрасывая сачок, что упал в воду, и его едва спасли.

Это было в Ильин день, 20 июля, роковой день, когда ему угрожала не только вода, но и огонь. По семейному обычаю, в Ильин день, на именины Ильи Ивановича всегда съезжалось множество родных и гостей.

Уж задолго шли приготовления к обеду и ужину: весь дом был в суете и хлопотах. Гостей собралось так много, что в доме нельзя было всех разместить на ночлег и детей перенесли во флигель. В то время, как гости и хозяева были заняты картами и разговорами, в людской шел пир и попойка. К ночи многие кучера и лакеи, приехавшие с гостями, совершенно перепились. Неосторожно брошенный в сено окурок поджег конюшню. Прежде чем это заметили, пламя охватило все здание; лошадей не успели вывести, и многие животные погибли. Но вот ветер подул в сторону флигеля; на него посыпались искры, и соломенная крыша вспыхнула. В ужасе бросились спасать детей; их пришлось вытаскивать уже через окно. Несмотря на сильнейший испуг, первая мысль Илюши была, однако, о маленьком племяннике, Коле, сыне Екатерины Ильиничны, вышедшей замуж год назад. В ужасе бегал Илюша по всему дому в поисках ребенка и успокоился только, когда узнал, что он на руках матери, в саду.

После „выдачи замуж“ Екатерины Ильиничны не было больше необходимости жить в городе. Поэтому решено было взрослым остаться зимовать в Панасовке, а Дмитрию Ивановичу везти детей в Харьков, для определения в гимназию. Подго-

товка у них была хорошая, благодаря студентам-репетиторам. К тому же они говорили по-французски и знали немного по-немецки, так как у них были гувернеры для иностранных языков.

Monsieur Gautier — веселый хвостун и благодёр¹ — выучил детей главным образом песням Беранже. Страстный охотник, он посвящал охоте как можно больше времени. Мальчики не могли сопровождать его из-за того, что мать боялась за них.

Тревожный характер ее, связанный, быть может, с болезнью сердца, был причиной того, что у детей вообще не развивали никаких спортивных вкусов.

Другой гувернер — немец Иван Самойлович — тоже мало занимался детьми. Его гораздо более привлекала выпивка. Однажды, избрав Илюшу собутыльником, он так напоил его пивом, что Илья Ильич больше никогда не брал этого напитка в рот.

Гувернеры не имели серьезного влияния на детей; они дали им только элементарное знание языков да оставили по себе несколько забавных воспоминаний. Иля, впрочем, пользовался небрежным отношением гувернеров для того, чтобы со страстью предаваться своим любимым занятиям. Его призвание было так резко выражено, что тогда же решили: „быть ему ученым“.

Станным кажется, каким образом в панасовской среде могла развиться в мальчике такая страсть к науке. Первый толчок в этом направлении был дан ему несомненно Ходуновым. Однако влияние учителя, очевидно, послужило только поводом, а не причиной этой страсти. По всей вероятности, она имела более глубокий источник. Чтобы понять его, следует, быть может, обратиться к прошлому семьи Мечниковых.

¹ Blagueur — враль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕДКИ

Мечниковы вообще не отличались семейным тщеславием, но была одна тетушка, очень гордившаяся их происхождением от „великого Спотаря“.

Вот что рассказывает о нем Е. Пико на основании молдавской хроники (Hesden) и различных исторических документов¹:

„Мало людей имело столько приключений и прославилось столь разнообразными способностями, как Николай Спотарь Милешту (Milestü). Имя его связано одновременно с историей литературы Молдавии, Греции, России и Китая. Его происхождение, таланты, преступление, увечье, которому он подвергся, отважное путешествие, совершенное им через всю Азию с целью пробраться в Пекин, драгоценные сведения, собранные им во время своего посланничества у „сына небес“, — все вызывает наше любопытство“.

Спотарь по „русской школе“ правили

Спотарь родился в Молдавии около 1625 года. Он очень рано переехал в Константинополь, где изучал теологию, философию, историю, древне- и ново-греческий, славянский и турецкий языки. Затем он ездил в Италию для изучения естествознания и математики. Вернувшись в Молдавию, он скоро приобрел известность своей эрудицией, пользовался почетом и влиянием при дворе. Благодаря ловкости и политическим интригам ему удалось удержаться при нескольких враждебных друг другу властителях. Один из них, Стефанита, осыпал его почестями. Тем не менее Спотарь в полый трости послал в Польшу предложение Константину Сербону свергнуть Стефанита и захватить его престол. Константин, возмущенный

¹ Хроника молдавского летописца Ивана Никулсеа (Jean Niculcea).

такой изменой, отправил трость Стефаниту. Последний сначала хотел казнить Спотаря, но, ввиду его выдающихся способностей, взамен этого велел ему отрезать кончик носа. После этого Спотарь уехал в Германию и, как говорит наивная хроника, нашел там врача, который „отрастил ему новый нос“. Спотарь явился в Молдавию, но вскоре совсем переехал в Россию. Благодаря своему обширному знанию языков он сделался драгоманом при Алексее Михайловиче и первым учителем его сына, Петра Первого, которого выучил грамоте. В 1674 году Алексей Михайлович поручил Спотарю миссию в Китай. Он должен был вести переговоры о торговых и политических сношениях между обеими странами. По дороге в Пекин Спотарь тщательно собирал сведения о местностях, через которые проезжал. Он добыл много очень интересных географических данных и указаний относительно громадного торгового значения азиатских рек, особенно Амура. В Пекине Спотарь быстро выучился китайскому языку. Пробыв около трех лет послом в Китае, он вернулся в Россию с богатым материалом собранных сведений и с драгоценными подарками от китайского императора. Все это возбудило зависть придворных. Они воспользовались тем, что возвращение Спотаря совпало со смертью Алексея Михайловича, разными интригами отобрали сокровища Спотаря и сослали его в Сибирь. Через несколько лет, когда воцарился Петр Первый, Спотарю удалось переслать ему письмо с рассказом обо всем случившемся. Петр велел его немедленно вернуть, отдал ему отобранные богатства, советовался с ним о делах Дальнего Востока и сделал его драгоманом при посольстве, поручив ему перевод тайных дипломатических бумаг. С тех пор Спотарь, окруженный всякими почестями, спокойно дожил свой век. Он был женат на русской, имел несколько сыновей и внуков. Позднее племянники его также переселились в Россию и вступили в русскую армию. Спотарь умер в 1714 году, 80-ти лет от роду. Литературная деятельность его была очень разнообразна и обширна. Он первый перевел Библию на греческий и румынский языки; писал о происхождении Румынии, теологические статьи, составил греко-латинский словарь: написал сочинение под заглавием „Арифметика“, в котором, на основании цифр и чисел, трактовал теологические, философские и этические вопросы. Он писал также по истории, археологии и по искусству. Наконец,

он сделал описание реки Амура, своего путешествия по Сибири и Китаю и перевел множество дипломатических документов. Его познания были так велики, что современники обращались к нему за сведениями, как к энциклопедисту. Такова история великого Спотаря.

В энциклопедии Брокгауз-Ефрон (XIX, 1896, стр. 226) находится следующая заметка: „Мечниковы — дворянский род, происходящий от молдавского боярина и спафария (мечника) Юрия Степановича, выехавшего в Россию в 1711 году с князем Кантемиром и получившего большие имения от Петра Первого. Его сын принял фамилию Мечникова. Род Мечниковых внесен в VI и III части родословных книг Харьковской губернии“.

Юрий Степанович и был, вероятно, одним из племянников великого Спотаря.

В дальнейших поколениях Мечниковых было всего более военных, был моряк, директор горного департамента, сенатор, но не было вовсе людей науки.

Со стороны матери Илья Ильич не имел таких значительных и сказочных предков. Однако Лев Николаевич Невахович, дед Илья Ильича, был человеком культурным, выдающегося ума. Он был табачным откупщиком в Варшаве. Будучи евреем, он близко принимал к сердцу гонения на своих единоверцев и защищал их в литературе. Тем не менее впоследствии, под влиянием косвенного совета императора Александра I, он принял христианство, но не православие, а лютеранство, так что дети его росли уже в этой религии. Перед началом польского восстания, в 1830 году, его предупредили, что его дом пострадает от революции. Это известие было сообщено ему в то время, как он спокойно сидел в театре. Он тотчас собрался и уехал с семьей из Варшавы. Переселившись в Петербург, он совсем бросил дела и, живя на доходы с нажитого капитала, занялся переводом немецких философов. Вскоре он вошел в сношения с литературным миром, был знаком с Пушкиным и Крыловым. Один из его сыновей, брат Эмилии Львовны, был выдающимся карикатуристом своего времени, издателем юмористического журнала „Ералаш“. Члены семьи Невахович, в том числе и Эмилия Львовна, вообще отличались светлым умом, но между ними не было людей науки. Сам Илья Ильич говорил, что унаследовал свой духовный склад от матери. И действительно,

живостью ума и характера, добротой и неисчерпаемой веселостью он вполне напоминал ее.

Во всяком случае среди его предков, как с отцовской, так и с материнской стороны, были незаурядные люди, от которых он мог унаследовать свои способности и любовь к науке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ

В 1856 году Дмитрий Иванович повез детей в Харьков для определения их в гимназию. Экзамены прошли очень удачно. Коля поступил в 3-й, а Иля — во 2-й класс.

Будучи приходящими, мальчики жили у одного из своих бывших учителей. То было время, полное нарождающихся надежд, с наступлением либерального начала царствования Александра II. В гимназии оставались лишь незначительные следы николаевской эпохи с ее военной выправкой. Уже обнаружилось сильное влияние нового свободного духа. Узкое доктринальное преподавание и зубрение уступали место более рациональным идеям.

Классические языки отступили на задний план, а на первый были выдвинуты история, литература и особенно физико-естественные науки. Учителя стали сближаться с учениками, влиять на их общее развитие. Среди гимназистов возникали кружки самообразования, устраивались воскресные школы, занимались социальными вопросами; зарождалось революционное направление. Настроение было живое, стремления высокие, надежды — светлые. Первый год своего поступления в гимназию Иля прилежно занимался всеми предметами, так что скоро попал на золотую доску. Его полюбил учитель русского языка Парфенов и много способствовал его развитию, руководя его общеобразовательным чтением. Между прочим Иля читал под его руководством историю цивилизации Бокля, имевшего тогда большое влияние на русскую молодежь. Основное положение автора, согласно которому человечество движется успехами положительного знания, — глубоко запало в душу мальчика и еще больше упрочило его стремление к науке. В 3-м классе он сблизился с одним из товарищей — Богомоловым, тоже

имевшим сильное влияние на его дальнейшее развитие. Богомоллов был сын фабриканта красок. Старшие его братья в интересах предприятия занимались химией в Харьковском университете. Они ездили за границу и привозили оттуда новые идеи и запрещенные книги.

Они сообщали их своему младшему брату, тот в свою очередь посвящал Илю, который таким образом познакомился с материализмом и с политическими теориями. Он читал „Полярную Звезду“, „Колокол“ Герцена и многие другие запрещенные издания. Постепенно он перестал верить, несмотря на то, что в детстве, под влиянием матери, он был очень религиозен. Безбожье, однако, скорее заинтересовало его, чем огорчило. Оно вызвало в нем общее критическое отношение. Он стал проповедывать атеизм со свойственной ему страстностью, так что его прозвали: „бога нет“. Критическое отношение он распространял и на преподавание: в 4-м классе перестал заниматься предметами, казавшимися ему неинтересными, зато с жаром набросился опять на естественную историю, ботанику и геологию. Хотя он перестал быть образцовым учеником, но стремление его к науке укреплялось все более и более.

В продолжение курса 3-го и 4-го классов мальчики жили в пансионе Карла Ивановича Шульц, заведении для „благовоспитанных детей“, куда родители поместили их для изучения „языков и хороших манер“. Нравы пансиона были крайне патриархальны и стеснительны; пища — дурная, нотации Карла Ивановича — скучные, с уроками танцев в придачу, — все это внушало Иле полное отвращение, и он твердо решил упросить родителей позволить ему с братом поселиться на частной квартире. Одно время Иля посещал воскресные школы и студенческие кружки, однако не был захвачен всеобщим политическим увлечением. Он чувствовал, что его настоящее, глубокое призвание — наука. Она так рано всецело поглотила его, что впоследствии он оставался в стороне даже от движения в пользу освобождения крестьян. Это объясняется еще и тем, что в Панасовке крестьянам не было плохо; вопрос о их положении не носил того острого характера, как в других местностях. Тем не менее одно всепоглощающее увлечение наукой могло, несмотря на возвышенную, отзывчивую природу юноши, отвлечь его от благородного освободительного движения. В 1858 году Богомоллов уехал из Харькова, и в 5-м классе

Иля сошелся с другими товарищами — Зеленским и Масловским. Все они горячо интересовались наукой и много читали. Благодаря своей живости и страстности Иля играл роль фермента в новом кружке. Решено было образовать союз, в котором каждый из членов занялся бы известной научной областью, с целью всем вместе составить род новой энциклопедии. Иля изучал немецкий язык, чтобы в подлинниках читать классиков материализма — Фихте, Фейербаха, Бюхнера, Мошешота. Гимназическое учение отошло на задний план, хотя благодаря своим способностям Иля продолжал быть хорошим учеником и удачно сдавал экзамены. Программа его будущей деятельности окончательно определилась по следующему поводу. В то время общего умственного брожения на книжный рынок поступало множество переводных сочинений по естествознанию. Иля жадно поглощал их. Между прочим он прочел в русском переводе сочинение Брона: „Классы и порядки животного царства“. На приложенных таблицах он впервые увидел мир микроскопических организмов: амёб, инфузорий и корненожек. Этот мир простейших произвел на него такое глубокое впечатление, что он тут же твердо решил посвятить себя изучению низших ступеней животного царства, проявления жизни в ее простейшей форме. Ему тогда было пятнадцать лет.

При переходе в 5-й класс мальчики получили, наконец, позволение поселиться на частной квартире. Это дало им возможность свободнее следовать своим личным вкусам. Вне гимназии Коля проводил время за картами, бильярдом и другими развлечениями. Иля усердно работал; вставал и ложился рано. Единственным его развлечением была музыка, которую он страстно любил, да разговоры на отвлеченные темы с товарищами. Перейдя в 6-й класс, он уже вполне специализировался. Для того, чтобы иметь возможность серьезнее работать, он задумал войти в сношения с каким-нибудь из профессоров. В то время в Харьковском университете царили еще старые методы преподавания. Курс проходили по шаблонным учебникам, без всяких практических занятий. Но Иля не знал всего этого и мечтал найти в лабораториях поощрение и возможность, наконец, приняться за настоящую научную работу. Переодевшись в штатское платье, чтобы не произвести впечатления „мальчика“, он пошел на лекцию сравнительной анатомии. По окончании лекции он с волнением обратился к профессору

Масловскому с просьбой позволить заняться протоплазмой под его руководством. Профессор принял его холодно и сухо; поучительным тоном сказал он: „Рано, молодой человек, захотели вы приняться за научные вопросы. Кончайте-ка прежде гимназию и поступайте в университет“. Это обдало холодной водой бедного юношу, но, несмотря на свое огорчение, он не унывал. Продолжая посещать лекции, он присматривался, к кому бы другому обратиться с большими шансами на успех. Ему очень нравились лекции Щелкова, молодого физиолога, недавно вернувшегося из-за границы, и он решился сделать новую попытку. На этот раз она была удачнее: Щелков принял его любезно и согласился давать ему частные уроки. Под его руководством Иля познакомился с основами гистологии. Увлеченный целлюлярной теорией Вирхова, он страстно желал произвести что-нибудь самостоятельное в научной медицине, мечтал создать, подобно Вирхову, какое-нибудь новое общемедицинское учение. Он старался всячески расширить свои знания. Вместе с Зеленским взялись они переводить (с французского перевода) „Единство физических сил“ Грове. Заинтересовавшись юношами, учитель естествознания и химии в гимназии, Тихонович, стал помогать им, и этой работе был посвящен весь учебный год.

Иля пользовался всякой свободной минутой для своих занятий. Даже за „неинтересными“ уроками читал он потихоньку научные книги. Как-то раз за законом божьим, зачитавшись, он не заметил, как к нему подошел законоучитель; взяв из рук юноши книгу, он был совершенно озадачен, увидя сочинение Радлькофера „О телах, содержащих кристаллы протеина“. Прочитав такое ученое название, батюшка молча вернул ему книгу и больше никогда не беспокоил его. Через студентов-медиков Иле удалось достать микроскоп. Он исследовал инфузорий и вообразил, что сделал интересное открытие. Тотчас написал он статью и отправил ее в единственный, существовавший тогда в России научный журнал „Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы“.

Он был обрадован согласием редактора поместить его статью, но тут же сам нашел, что сделал ошибочные выводы, приняв явление дегенерации за размножение. Тотчас написал он в редакцию, чтобы остановить печатание. Так эта первая статья и не увидела света. На время каникул Щелков одол-

жил Иле микроскоп, и он мог в Панасовке хорошо изучить местную фауну простейших. Перейдя в 7-й класс, он прочел руководство геологии харьковского профессора Леваковского и с юношеской самоуверенностью написал на нее рецензию. Это было его первое печатное произведение. Ему было тогда шестнадцать лет. Увлеченный успехами, он послал еще несколько рецензий, но они не были помещены.

Однако приближалось время выпускного экзамена. Иля во что бы то ни стало хотел кончить с золотой медалью; добивался он этого не из одного самолюбия, но также для того, чтобы доказать родителям серьезность своих занятий и получить возможность ехать за границу для дальнейшего научного образования. Поэтому на время он отложил любимые занятия и серьезно принялся за заброшенный им гимназический курс. Окончательные экзамены происходили весной 1862 года. В Харьков приехала итальянская оперная труппа, и Иля не был в силах удержаться от музыкального соблазна. Несмотря на такое усложнение, экзамены прошли блестящим образом, и он получил золотую медаль. Теперь все помыслы его были сосредоточены на том, чтобы как можно скорее приняться за научную работу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОБЛЕСКИ ЛЮБВИ

Несмотря на свое раннее призвание, Иля вовсе не был равнодушен к окружающей жизни. Душа его была впечатлительна и отзывчива, привязанности — нежны и глубоки. Самая сильная из них была к матери. Между ними было сродство душ, нежные, доверчивые отношения; он ничего не предпринимал, не посоветовавшись с нею. Это было потребностью его сердца, сохранившеюся и в зрелом возрасте.

Первое подобие влюбленности испытал он очень рано — в 6 лет. Однажды в Панасовку в гости приехала знакомая семья с восьмилетней девочкой. Прелестная, грациозная, с вьющимися волосами, свеженькая — она походила на живой цветок. Иля не мог оторвать от нее глаз. Он всячески ухаживал за нею, рвал ей цветы и ягоды, занимал играми, старался показать себя в наилучшем виде.

Он испытывал необычное волнение и радость от ее присутствия, мечтал, чтобы она никогда не уезжала. Но визит был непродолжительный. Первая идиллия мальчика быстро кончилась и сменилась новыми впечатлениями. Тем не менее Илья Ильич навсегда сохранил в памяти образ хорошенькой девочки, хотя больше никогда не видел ее.

Второй раз Иля влюбился уже гимназистом в сестру товарища. Встречая ее на улице на прогулках, он издали любовался ею, искал этих встреч и мечтал о ней в течение полугода. Но вскоре она была вытеснена другой, уже более серьезной привязанностью.

При переходе в 5-й класс он, как всякое лето, поехал на каникулы в Панасовку. Там появилось новое лицо — молодая жена его старшего брата. Мало-по-малу, к собственному удивлению, он стал замечать, что образ хорошенькой девушки все

более заслоняется его молодой belle-soeur. Вскоре она совершенно овладела его сердцем. Она составляла резкий контраст со всеми панасовскими обитателями. Хорошенькая, светская, она скучала в деревне, относилась свысока и критически к простым панасовским нравам, чем восстановила всех против себя. Чувствуя себя изолированной, она, скуки ради, постаралась привлечь приехавших юношей. Отношения, вначале приятельские, вскоре со стороны отзывчивого Или стали более нежными. Она действовала на его доброе сердце. Жалуясь на непонимание, на враждебное к ней отношение, она возбуждала его сочувствие и жалость. Он сделался ее горячим защитником. Из-за нее часто происходили у него столкновения даже с матерью, которую он укорял в мнимых несправедливостях.

Чувства его к belle-soeur превратились в юношескую, чисто платоническую, но реальную любовь, длившуюся, вместе с влиянием молодой женщины, около четырех лет. Затем, разочаровавшись, он охладил к ней. Тем не менее она была его первой серьезной любовью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Из посещения университетских лекций в течение последних гимназических классов и из слышанного от студентов Иля заключил, что мало может почерпнуть в Харьковском университете для научных исследований.

В те времена русскую молодежь особенно привлекали немецкие университеты. В них была целая плеяда знаменитых профессоров и лабораторий, широко открытых иностранцам.

Мечтая поехать учиться туда, Иля стал уговаривать мать отпустить его. Добиться ее согласия было нетрудно, так как она глубоко верила в научную будущность сына и от всей души желала помочь ему. Она взяла на себя убедить мужа. Неомотря на скудные средства, деньги достали и снарядили юношу в путь. Он решил ехать в Вюрцбург, к знаменитому профессору Кёлликеру, потому что тот читал гистологию, а Илю всего более влекло изучение протоплазмы. Думая, что в Германии каникулы совпадают с русскими, и что занятия начнутся с сентября, он торопился попасть туда заранее.

В те времена путешествие было длинное, сложное. Однако, несмотря на утомление, он остановился всего на день в Берлине и поехал закупать нужные книги в книжный центр — Лейпциг. Приехав туда вечером, он был в некотором смущении, не зная, где остановиться. К счастью, какой-то молодой немец на вокзале предложил ему взять комнату на его квартире, куда и повел его. На следующее утро Иля вышел очень рано и побежал покупать свои книги. Второпях он не обратил внимания ни на номер дома, ни на название улицы, и на обратном пути ему долго пришлось бродить, пока он нашел дорогу. Расстроенный этим, он поспешил уехать в Вюрцбург. Оказалось, что каникулы в полном разгаре. Ни Кёлликера ни других профессоров

не было в городе; занятия должны были начаться только через шесть недель.

Впервые очутившись в полном одиночестве, среди чужих людей, бедный юноша совсем растерялся.

Ему указали на квартиру русских студентов. Полный надежды, он радостно бросился туда. Но соотечественники встретили его недоверчиво и холодно. Получив от них лишь несколько сухих указаний, он грустно отправился искать квартиру и нашел комнату у каких-то сердитых стариков. Принеся свои вещи, он стал раскладываться. Но вдруг на него напала такая тоска, что он наскоро опять уложился и объявил, что уезжает. Изумленные и рассерженные старики стали бранить его. Это окончательно расстроило его, и он торопливо уехал на вокзал. Дождавшись первого поезда, он пустился в обратный путь, безостановочно, до самой Панасовки. Появление его, конечно, вызвало всеобщее удивление. Тем не менее, видя его волнение, его приняли благодушно. В глубине души мать была рада его возвращению, так как отпускала его со страхом.

Таким образом кончилась эта первая, столь желанная, столь неудачная поездка за границу. Вероятно ничего подобного не случилось бы, если бы он приехал к началу занятий, или если бы русские студенты встретили его теплее. Он был слишком молод, слишком впечатлителен и нервен, чтобы вынести полное одиночество. Одни любимые занятия или дружелюбная среда могли бы поддержать его.

Таким образом простое неудачное стечение обстоятельств перевернуло все его планы и мечты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

УНИВЕРСИТЕТ

Выбора больше не было. Решено было поступить в Харьковский университет.

Рассказ об этом периоде будет краток: он был лишь мимолетным эпизодом в жизни Ильи Ильича. „Alma mater“ не имела на него того направляющего влияния, не оставила по себе тех дорогих воспоминаний, как обыкновенно в жизни молодежи.

В то время, как в гимназию широко проникло новое направление, Харьковский университет оставался крайне отсталым. Это зависело от того, что учителя гимназии были молодые люди, сами недавно кончившие курс, — профессора же, большей частью, были пожилыми людьми старого закала. Скорее чиновники, чем ученые, они довольствовались старинными методами преподавания. Лекции читались по отсталым учебникам; практических занятий почти вовсе не было. Некоторые из старых профессоров пили, другие относились к своему делу халатно или по-чиновнически. На естественном и медицинском факультетах в то время было только два молодых адъюнкта (доцента) нового направления, настоящих ученых и „учителей“ молодежи. Это были химик Бекетов и физиолог Щелков. У них одних можно было серьезно заниматься; остальные лекции были одной формальностью.

Илья Ильич хотел поступить на медицинский факультет, но мать отговаривала его. „У тебя слишком мягкое сердце, — говорила она, — ты не будешь в состоянии постоянно видеть страдания людей“. Щелков также советовал ему поступить на естественный факультет, более подходящий для чисто-научной деятельности. Илья Ильич на это и решился и стал заниматься физиологией в его лаборатории. Так как юноше хотелось сейчас же приняться за самостоятельную работу, то Щелков пред-

ложил ему исследовать стебелек одной ресничной инфузории — сувойки, или вортицеллы. Надо было установить, представляет ли этот стебелек аналогию с мускульной тканью и так же ли, как она, относится к различным реактивам. Тщательные исследования привели Илю к отрицательным выводам. Свои результаты он напечатал в 1863 году в „Мюллеровском Архиве“. Вскоре появилась статья знаменитого физиолога Кюне, который вызывающе резко опровергал его. Это крайне огорчило молодого человека; однако возражения еще более возбудили его энергию: он тотчас повторил свои опыты и, получив прежние результаты, ответил Кюне также довольно резко, задетый тоном его статьи. Однако влекомый к задачам более широкого, общего характера, он стремился к вполне самостоятельной работе. Во время своего неудачного путешествия за границу он накупил в Лейпциге много вновь вышедших научных сочинений; между ними был перевод „Происхождения видов“ Дарвина. Эволюционная теория произвела на юношу глубочайшее впечатление. Мысль его тотчас стала работать в этом направлении. Ему приходило в голову, что, быть может, животные, стоящие особняком и не нашедшие места в определенных родах, могут пролить свет на связь между последними, на их генеалогию. На этом основании он стал исследовать оригинальных пресноводных животных, похожих на коловраток, но приближающихся в то же время к некоторым червям из группы круглых червей. Ему действительно удалось составить из них новый промежуточный и связывающий отряд, который он назвал брюхоресничными (*Gasterotricha*) и который затем стал общепризнанным. В этих занятиях прошел весь первый курс.

Видя, что от самого университета он почерпнет немного, Илья Ильич решил сократить пребывание в нем и пройти весь четырехлетний курс в два года. Но так как студентам это не было дозволено, то он уволился с тем, чтобы поступить вольнослушателем и держать экзамен прямо на кандидата. Поэтому на второй год он вовсе не занимался научными работами, а готовился вместе со студентами 4-го курса к испытанию на кандидатскую степень. Экзамены вновь совпали с оперным сезоном. Отдаваясь своей страсти к музыке, он в то же время усиленно готовился, и экзамены прошли блестящим образом. Он кончил первым кандидатом. Это было в 1864 году, ему было 19 лет.

Быстрота, с которой он прошел университетский курс, имела, однако, и отрицательную сторону, неизбежно вызвав пробелы в его образовании. Впоследствии это часто давало себя чувствовать и всегда вызывало в нем большое сожаление. Сокращенное пребывание в университете и ускоренный темп работы лишили его возможности сближаться со студентами; последние же, увлекаясь главным образом политикой, мало интересовались юношей, всецело поглощенным наукой. Таким образом в университете он не имел тех привлекательных товарищеских отношений, какими пользовался в гимназии. Помимо Щелкова, другие профессора не оказали направляющего, глубокого влияния на его развитие, и пребывание в университете промелькнуло лишь бледным эпизодом в его жизни.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРЕБЫВАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ. ЭМБРИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Илье Ильичу оставалось еще приготовить кандидатскую диссертацию, и он решил съездить на два месяца на остров Гельголанд, издавна привлекавший зоологов своей богатой фауной. Несмотря на первую неудачную поездку, родители охотно дали ему согласие, снабдили небольшой суммой денег, и в 1864 году он уехал за границу.

На Гельголанде он тотчас принялся за работу, преследуя свою мысль о значении отдельно стоящих оригинальных форм, могущих служить звеньями между животными группами и тем освещать их генетические отношения. Интенсивностью работы он обратил на себя внимание некоторых немецких ученых, и один из них представил его знаменитому ботанику Кону. Последний заинтересовался им, давал ему советы, они вместе гуляли и вели научные беседы, полные интереса для юноши. Кон советовал ему поработать некоторое время в Германии у знаменитого зоолога Лейкерта. Эта мысль очень улыбалась Илье Ильичу; он решил привести ее в исполнение, несмотря на затруднение, заключавшееся в недостатке денег для продления пребывания за границей. Он не хотел просить новой субсидии у родителей, зная, что и деньги, данные ему на поездку, были собраны с трудом. Поэтому он выполнял следующий план, изложенный в письме к матери, постоянной поверенной всех его намерений и мечтаний. Вот что писал он ей:

Гельголанд, 31 июля/12 августа 1864 г.

„Милая мама... я думаю остаться на острове еще целый месяц, по прошествии которого я поеду (желаю поехать) на десять дней в Гиссен, где будет от 17/5 до 25/13 сентября собрание натуралистов и врачей со всей

Европы. Это собрание слишком заманчиво, чтобы я не предпринял всевозможных средств для того, чтобы посетить его; кроме большой пользы от соведания с учеными людьми, я имею возможность заняться в богатейших коллекциях профессора Лейкерта, что очень важно для завершения моих работ на морском берегу, которые продолжают идти очень успешно. Для приведения в исполнение моего горячего желания воспользоваться такими сокровищами я должен прожить лишних три недели на Гельголанде, сделать путешествие в Гиссен и обратно и прожить в Гиссене десять дней на ту сумму, с которой я думал протянуть до 24/12 августа... Вместо квартиры в гостинице я нанял себе комнату у одного рыбака, за которую плачу вдвое дешевле. Вместо обеда и кофе, которые я имел, я питаюсь чем бог пошлет, издерживая 30 коп. на еду (которая здесь дешевле, так как все получается из Гамбурга или из Англии); вместо двух или трех раз я переменяю белье один или два раза в неделю (за что плачу меньше прачке). Таким образом сбереженные деньги с прибавлением моей запасной суммы (которую я берег для первоначальной жизни в Петербурге) составляют достаточный капитал, на который я могу доставить себе столько пользы и наслаждения: 1) я проведу лишних три недели на морском берегу и тем значительно увеличу свои познания и коллекции; 2) я посету собрание и 3) буду работать в коллекциях Лейкерта и пользоваться его советами и книгами. Ради бога не сочти описание моей новой жизни за жалобу или ропот; наоборот, я так счастлив, имея в виду столько пользы, и еще тем, что я не могу упрекнуть свою совесть в бесполезном растрачивании денег, добытых любовью и заботой, что в такой обстановке я готов бы находиться почаше. Пожалуйста не воображай также, чтобы я занятиями расстроил свое здоровье; даю тебе честное слово, что до сих пор у меня даже ни разу голова не болела. Да я и не верю, чтобы занятиями можно расстроить здоровье: я видел много ученых немцев, которые кудаком вола убьют. Вообще я умоляю тебя быть насчет меня совершенно спокойной, тебе и без меня много тяжелых забот, а я теперь поставлен в такие хорошие условия, что, кажется, печалиться нечего. Крепко целую твои ручки и остаюсь любящий тебя *Ил. Мечников*... Пиши, пожалуйста, чаще. Я так дорожу каждым твоим словом".

Он не говорил матери, что живет впроголодь. Он не хотел также, чтобы об этом знали Кон и другие знакомые, и тщательно скрывал от них свой образ жизни.

К открытию съезда он поехал в Гиссен и с успехом сделал два сообщения о своих исследованиях на Гельголанде. Он и Энгельман, впоследствии сделавшийся знаменитым физиологом, были такими юными членами конгресса, что обращали на себя всеобщее внимание. При первом знакомстве Лейкерт крайне понравился Илье Ильичу, и он решил немедленно заниматься у него. Ввиду этого он стал хлопотать о получении стипендии от русского министерства народного просвещения и о заграничной командировке. По просьбе родных за него хо-

дотайствовал бывший министр народного просвещения Евграф Ковалевский. Лейкерт написал рекомендательное письмо Пирогову, и стипендия была выдана на два года, по 1 600 руб. в год.

Гельголандские исследования привели Илью Ильича к предположению, что нематоды¹ составляют совершенно самостоятельную группу, и он хотел теперь окончательно разъяснить этот вопрос. Лейкерт, уезжая на каникулы, позволил ему работать в своей лаборатории. Илья Ильич рьяно принялся за исследования и, между прочим, открыл интересный, тогда совершенно новый факт перемежающегося размножения; он нашел, что гермафродитные паразитические нематоды дают свободноживущее раздельнополое потомство. Когда Лейкерт вернулся, Илья Ильич с волнением и восторгом сообщил ему свое открытие. Лейкерт сначала отнесся к нему недоверчиво, но должен был признать очевидность, когда Илья Ильич показал ему все переходные стадии развития. Знаменитому ученому, видимо, было очень неприятно, что молодой человек сделал это открытие самостоятельно, в его отсутствие. Он предложил ему продолжать работу вместе и напечатать ее сообща. Илья Ильич с удовольствием согласился на это. Он работал так много, что у него разболелись глаза, и он уже не мог микроскопировать более нескольких минут подряд. Лейкерт стал убеждать его уехать на время отдохнуть.

С этим как раз совпал переезд брата Ильи Ильича, Льва Ильича, в Женеву, и Илья Ильич поехал к нему. Братья давно уже не видались. Лев Ильич много скитался и странствовал. У него была натура необыкновенно подвижная, отзывчивая, художественная; но он никак не мог остановиться на выборе определенной деятельности и разбрасывался. Это помешало ему произвести все то, на что была способна его богато одаренная природа. Обладая выдающимися лингвистическими способностями, он знал не только много европейских языков, но также и восточных. Он ездил в Малую Азию, где одно время служил в обществе пароходства и торговли; затем жил в Италии и принимал деятельное участие в гарибальдийском движении, во время которого был ранен. Он занимался живописью и литературным трудом, к чему имел большое дарование. Талант-

¹ Круглые черви.

ливый, остроумный, блестящий, красивый, к тому же необыкновенно добрый и мягкий, он производил чарующее впечатление. Илья Ильич очень любил его и радовался свиданию с ним. Он застал его среди молодых людей, стоявших вокруг стола с разложенной географической картой. Дело шло о покупке земли в Италии для устройства коммуны. Лев Ильич, хорошо знавший страну, должен был выбрать подходящее место. Тотчас стали посвящать Илью Ильича в политику, но она производила на него отрицательное впечатление, сводясь главным образом в его глазах к партийным распрям, к догматическим спорам, основанным на шатких началах. Он уже слишком привык к научным методам для того, чтобы удовлетворяться недостаточно обоснованными теориями.

Наоборот, необыкновенно глубокое впечатление произвел на него Герцен, живший тогда в Женеве. Молодое поколение революционеров относилось к нему отрицательно, считая его деятельность слишком литературной, теоретической, и стремились, напротив, к более активному образу действий.

Однако Лев Ильич оставался одним из немногих горячих сторонников Герцена. Часто вечером собирались у последнего, и он блестяще читал своим гостям „Былое и думы“ в рукописи. Герцен производил глубокое, почти подавляющее впечатление мощью ума, остроумием и благородством всей своей личности. Обаяние его было так велико и неотразимо, что осталось одним из самых сильных впечатлений жизни Ильи Ильича. Это пребывание в революционном центре очень заинтересовало его, но в то же время он еще больше укрепился в мысли о превосходстве научной деятельности над политической и в том, что избрал благую часть.

После некоторого отдыха Илья Ильич направился обратно в Гиссен, остановившись по дороге в Гейдельберге; в то время там был центр русской учащейся молодежи, группировавшейся вокруг Гельмгольца, Кирхова, Бунзена. Сейчас же побежал он в библиотеку просмотреть научные журналы. Одним из первых, попавшихся ему был „Göttinger Nachrichten“ со статьей Лейкерта о нематодах, исследованных ими вместе. Лейкерт описывал все, как найденное ими совместно, так и одним Ильей Ильичом, от своего имени; лишь в одном примечании упоминал он, что в работе помог а л ему кандидат Мечников. Это глубоко огорчило и возмутило Илью Ильича. Вернувшись в Гиссен,

он безуспешно пытался объясниться с Лейкертом, который систематически уклонялся от всякого ответа¹.

Крайне удрученный всем этим, юноша поверил свое горе зоологу Клаусу, которого знал со времени Гиссенского съезда. Последний ответил ему, что такой образ действий характерен для Лейкерта и что следовало бы, чтобы Илья Ильич, в качестве независимого иностранца, разоблачил его. Он так взвинул его, что тот, наконец, решился послать статью в журнал Дюбуа-Реймона, где изложил случившееся, и уехал из Гиссена, не простившись с Лейкертом.

Благодаря полученной двухгодичной стипендии Илья Ильич мог теперь направиться на берег моря для продолжения своих исследований. Еще в России доносились до него слухи о многообещающем, талантливом молодом зоологе Александре Онуфриевиче Ковалевском, который, в свою очередь, слышал об Илье Ильиче и написал ему восторженное письмо о богатстве зоологического материала и об удобствах работы на Средиземном море. Поэтому, покинув Гиссен в 1865 году, Илья Ильич направился в Неаполь. Хотя цель этой поездки его была научная, но он надеялся, что и само путешествие произведет на него сильное впечатление. Но впечатление рисовало ему столь грандиозные картины стран, которые ему предстояло видеть, что Италия, как раньше Швейцария, не произвела на него ожидаемого впечатления. Флоренция, где он остановился, не увлекла его. Он утомлялся от музеев, потому что видел сразу слишком много произведений искусства, без предварительной подготовки.

Да и вообще он не был очень чувствителен к пластическому искусству. Во время своего торопливого путешествия он лишь поверхностно мог видеть страну; не имея времени проникнуться красотами ее, он чувствовал себя разочарованным. Поэтому еще более торопился он в Неаполь, куда гораздо сильнее влекли его работа и знакомство с Ковалевским.

Ковалевский был с виду застенчивый, сдержанный, хотя очень сердечный юноша. Его ясные глаза светились мягкостью и детской чистотой; сразу в нем чувствовался идеалист, носи-

¹ Весь этот эпизод был описан в отдельной брошюре Ильей Ильичом в 1866 году.

тель священного огня, — наука была его религией, в своей страсти к ней он не останавливался ни перед какими жертвами, никакие препятствия не были непреодолимыми для него. Скоро всякий чувствовал, что этот маленький, застенчивый и мягкий человек — силач, боец безграничной энергии, когда дело коснется науки. Благодаря этому общему культу и страсти молодые люди сошлись очень быстро, несмотря на разницу характеров. Они сразу произвели друг на друга хорошее впечатление, и с тех пор между ними завязалась дружба, длившаяся всю жизнь. В Неаполе они работали запоем, совершали совместные экскурсии, с увлечением делились мыслями и планами, и эта общность вкусов и стремлений придавала еще большую прелесть их дружбе.

В Гиссене Илья Ильич прочел книгу Фрица Мюллера „В пользу Дарвина“. Чтение это оказало решающее влияние на направление его дальнейших работ. Фриц Мюллер первый конкретным образом подтвердил эволюционную теорию Дарвина на истории развития ракообразных, доказав, что эмбриология может дать ценные указания относительно генеалогии животных¹. Под влиянием этого сочинения Илья Ильич, до сих пор делавший, так сказать, одни „научные разведки“, решил сосредоточиться на сравнительном изучении эмбриологии животных. В Неаполе он и стал работать в этом направлении с обычной страстностью. Он все более и более приходил к убеждению, что ключ к эволюции и генеалогии животных следует искать в наиболее ранних стадиях их развития, где они являются в самой простой форме и всего менее еще видоизменены под влиянием внешних условий. На этих первых стадиях развития наблюдаются существенные и общие черты, обнаруживающие аналогии и связь между животными различных групп. Все животные вначале одноклеточны, так как яйцевая клетка, общая всем им, соответствует одноклеточному организму. Только после оплодотворения эта первичная яйцевая клетка начинает развиваться, последовательно делясь на сегменты, каждый из которых соответствует новой клетке. Явление это сходно с размножением посредством деления одно-

¹ Илья Ильич находил, что Фрица Мюллера недостаточно оценили: он первый на конкретных фактах разработал эволюционную теорию Дарвина и этим существенно способствовал установлению ее гораздо раньше и глубже Геккеля.

клеточных существ. Разница в том, что сегменты яйца не становятся независимыми особями и совместно образуют полый шар, названный бластолой.

Это — первое проявление многоклеточного организма. В бластуре обособляются слои — листки или зародышевые пласты, каждый из которых дает начало определенным органам зародыша. Внешний пласт — эктодерма — производит покровы и нервную систему; внутренний пласт — энтодерма — клетки (эндотелиальные), выстилающие пищеварительные и внутренние органы; наконец между этими двумя пластами обособляется третий пласт — мезодерма, дающий начало скелету, кровяной и мускульной системам.

История развития этих пластов была уже хорошо изучена у позвоночных, но очень мало у беспозвоночных. Между тем для выяснения происхождения и общей эволюции животных необходимо знать историю развития низших форм, от которых происходят остальные. На основании этих соображений в течение многих лет главной темой исследований Илья Ильича стало сравнительное изучение зародышевых пластов низших животных и дальнейшей судьбы их составных элементов в разнообразных группах беспозвоночных. Работая в этом направлении, ему удалось доказать, что развитие беспозвоночных следует тем же законам и совершается по тому же плану, как и развитие высших животных, что существует, следовательно, реальная связь между всеми живыми существами, — конкретное подтверждение эволюционной теории. Своими исследованиями Илья Ильич вместе с Ковалевским содействовали созданию сравнительной эмбриологии.

Сравнительные исследования происхождения клеток из различных зародышевых пластов и изучение дальнейшего развития и функций этих клеток привели Илью Ильича к наблюдению внутриклеточного пищеварения, ставшего впоследствии основой его будущей фагоцитной теории воспаления и вообще всего его дальнейшего учения. Таким образом от начала до конца его научной деятельности можно проследить непрерывную логическую связь.

Несмотря на всепоглощающую работу Илья Ильич интересовался также и окружающей жизнью. Во время своего

первого пребывания в Неаполе он познакомился с двумя выдающимися личностями — Бакуниным и Сеченовым. Они жили тогда в Сорренто. Илье Ильичу и Ковалевскому очень хотелось познакомиться с обоими, но они не решались идти к ним. Наконец после долгих колебаний отправились.

Бакунин, колосс с львиной головой и серой гривой, производил впечатление страстного энтузиаста и сектанта. Он так легко увлекался, что стоило ему прочесть в газетах о каком-нибудь чисто местном незначительном бунте, чтобы сейчас предсказывать близкую, неизбежную революцию в России. Его теории сводились к тому, что „надо камня на камне не оставить“. Но на вопрос, „чем заменить разрушенное?“ — он отвечал: „это уж видно будет после“. Он увлекал своею пылкой мощью, но, по мнению Ильи Ильича, не был вовсе глубок.

Совсем иное впечатление производил Сеченов на молодых людей. Он imponировал глубиной ума, убедительностью речи и серьезным отношением ко всему. Его лицо монгольского типа было скорее некрасиво; но великолепные глаза, умные, глубокие, пронзительные и добрые, освещали его поразительной внутренней красотой, которой нельзя было забыть. Идя к нему, Илья Ильич внутренне боялся своей неподготовленности по физике и химии, так как успел пройти их лишь поверхностно в свое кратковременное пребывание в университете. Несмотря на эту причину стеснения, между ним и Сеченовым сразу установилось духовное общение и свободный обмен мыслей. Тут же была заложена между ними та симпатия, которая потом развилась в глубокую дружбу всей жизни. На следующий день Илья Ильич опять пошел к нему, чтобы развить ему свои планы исследований эмбриологии низших животных в связи с эволюционной теорией.

Сеченов так горячо поощрял его, что Илья Ильич навсегда остался благодарным ему за такое отношение к первым шагам его самостоятельной научной деятельности.

В это пребывание в Неаполе он работал очень много, так что у него бывали периоды переутомления. Для отдыха он читал философские и исторические книги. Когда уехал Ковалевский, он примкнул к Бакунинскому кружку, члены которого обедали вместе в ресторане благозвучного названия „Trattoria dell'Armonia“.

Осенью в Неаполе вспыхнула холера. Наступило всеобщее подавленное и угнетенное настроение. Оно усугублялось различными мрачными обычаями страны: погребальным звоном, следованием за гробом людей в длинных мантиях, капюшонах с разрезами для одних глаз, дымящимися факелами и т. п. Илья Ильич очень боялся эпидемии и упал окончательно духом, когда смерть скосила одного из членов их кружка — общую любимицу, милую англичанку, которая вовсе не боялась холеры, была бодрой и веселой. Однажды она не пришла обедать, у нее оказалась холера, и на следующий день она умерла. Илью Ильича это так поразило, что его уже расстроенные нервы не выдержали; он покинул Неаполь, тем более, что был в периоде сильного переутомления.

Он направился в Геттинген, к профессору Кэфферштейну, у которого хотел поработать над позвоночными, еще не изученными им. Кэфферштейн начал с того, что дал ему отпрепаровать какую-то редкую ящерицу. Илья Ильич отличался нелюбовью ко всякой технике, несовместимой с его живостью и нервностью: руки его дрожали, препарирование не удавалось, он раздражался, иногда доходил до ярости, ругался и швырял свой материал. Так и теперь: совершенно испортив драгоценную ящерицу, он получил еще большее отвращение к технике, вскоре бросил Кэфферштейна и перешел к знаменитому анатому Генле (Henle). Очень недолго проработав у него на заданную тему — гистологию почек лягушки, он решил, что более совершенно не способен к школьной дисциплине и вновь обратился к самостоятельным исследованиям. Когда дело касалось интересующих его вопросов, стремление решить их преодолеvalo его отвращение к технике, и он отлично справлялся с нею. Он занялся историей развития травяных вшей с эволюционной и генетической точек зрения. После этого он поехал на летний семестр в Мюнхен, думая поработать у знаменитого зоолога Зибольдта, типичного почтенного старого немецкого ученого. Но оказалось, что он уже слишком стар, чтобы принимать учеников, и Илья Ильич стал самостоятельно исследовать эмбриологию насекомых. Однако он часто навещал Зибольдта, с которым вел интересные научные разговоры; у них навсегда сохранились самые хорошие отношения, и они впоследствии всегда переписывались.

Во время пребывания молодого человека в Германии музыка была почти единственным его развлечением. Сам он не играл ни на каком инструменте.

Родители не учили его музыке, обескураженные тем, что ни сестра его, ни старшие братья не обнаружили успехов в этой области. К тому же его раннее научное призвание не позволило бы ему серьезно заниматься ничем посторонним. А между тем он был необыкновенно одарен и страстно любил музыку. Он умел только насвистывать и с помощью этого слабого средства мог воспроизводить решительно все слышанное, от простой арии до мотивов самой сложной симфонии. Благодаря распространенности концертов в Германии, он мог серьезно ознакомиться с классической музыкой. Моцарт и Бетховен навсегда остались его любимыми композиторами.

За время пребывания в Германии он оценил немецких ученых и с уважением относился к их огромной трудоспособности и серьезности. Он восхищался организацией их лабораторий, позволяющей утилизировать все силы, как крупные, так и мелкие, и выполнять, благодаря этому, коллективные работы, столь полезные при сложных исследованиях, требующих сотрудничества различных специалистов. Тип же немецкого студента, напротив, вызывал в Илье Ильиче настоящее отвращение. Их корпорации, поединки, вечное пребывание в пивных — все было ему антипатично. Он спрашивал, как эти грубые „бурши“ могли превращаться в культурных и почтенных ученых. Ему отвечали, что это „брожение молодости“.

Впрочем нравы даже среди ученых не были очень изысканны. Более чем где бы то ни было выступали на первый план чисто личные вопросы, и взаимное доброжелательство было крайне редкой добродетелью среди коллег.

Прожив некоторое время в Мюнхене, Илья Ильич опять уехал в Неаполь, потому что вспыхнула война между Северной и Южной Германией. На этот раз он поехал морем, через Геную. Он хотел сберечь побольше денег, чтобы иметь возможность дольше поработать на море. Но ему не повезло. Переезд продолжался двое суток, была сильнейшая качка, он очень страдал от морской болезни и, приехав в Неаполь, был жестокими головокружениями вынужден к продолжительному

бездействию. К тому же вновь появилась холера. От нее умерла хозяйка квартиры, где жили Илья Ильич и Ковалевский. Под этим тяжелым впечатлением они переехали на Искию, надеясь там работать. Но к своему ужасу Илья Ильич убедился, что все еще неспособен на это; чтобы скорее оправиться, он поехал в прелестное местечко Каву, славящееся своим здоровым климатом. Здесь он вновь встретил Бакунина, на некоторое время между ними завязались приятельские отношения. Бакунин даже прозвал Илью Ильича „мамашей“ за его нежно-заботливый характер (название это давалось ему впоследствии и другими близкими по той же причине). Однако между приятелями не было действительного сродства душ и мыслей. Илья Ильич считал теории Бакунина поверхностными, его сектантский образ мышления и действий ему не нравился, и мало-по-малу он отдалился от него.

Когда здоровье молодого человека оправилось и когда осенью холера в Неаполе прекратилась, он вернулся туда и мог, наконец, приняться за работу. Изучая историю развития головоногих (*Cephalopoda*), он нашел у них зародышевые пласты, подобные тем, которые были известны у позвоночных. Это был первый точно установленный пример зародышевых пластов у беспозвоночных.

Этот факт имел очень большое значение, ставя вне сомнения генетическую связь между низшими животными и высшими, т.е. наглядно доказывая непрерывность эволюции существ. Это наблюдение послужило Илье Ильичу темой для диссертации. Закончив свои исследования, он вернулся в Россию в 1867 году.

На этот раз он хорошо использовал свое почти трехлетнее пребывание за границей. Если он не выказал себя послушным учеником, то зато основательно ознакомился с организацией научных занятий в Германии, выполнил ряд независимых исследований и сделал вполне сознательный выбор направления своих будущих многолетних работ в области сравнительной эмбриологии. Сделанные им исследования уже сами по себе имели крупное значение. Таким образом наблюдения относительно различных представителей типа червей, заключающего самые разнообразные формы, позволили ему установить непре-

рывность связи между некоторыми группами их. Изучая низших червей, он наткнулся на факт первостепенной важности, определивший все направление его будущей научной деятельности: он в 1865 году, в Гиссене, нашел внутриклеточный способ пищеварения у ресничного червя — планарии (*Geodermus bilineatus*). Он сравнил этот способ переваривания пищи с наблюдаемым у высших инфузорий и видел в этой общности лишнее доказательство генетической связи между типом червей и простейших. Тогда он еще не подозревал всего значения этого факта, впоследствии послужившего фундаментом его будущей фагоцитарной теории, вполне созревшей лишь восемнадцать лет спустя. Кроме того его многочисленные исследования насекомых и наблюдения развития скорпиона установили присутствие и у них зародышевых пластов; это позволило ему сделать вывод, что „мы имеем право распространить теорию пластов на суставчатых“. Наконец, как было сказано выше, он открыл зародышевые пласты у головоногих (*Sepiola*), чем наглядно устанавливалась связь между низшими и высшими животными.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАЧАЛО ПРОФЕССОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выполнение вышеупомянутых исследований позволило Илье Ильичу еще из Неаполя вступить в переговоры с новым Одесским университетом о принятии его штатным доцентом. Перспектива эта очень соблазняла его ввиду моря, на фауну которого он рассчитывал. В ожидании окончательного решения он поехал в Петербург для защиты диссертации и подготовки к профессуре.

С самого приезда все, казалось, улыбалось ему. Благодаря своей живости и общительности он легко сходился с людьми. Приехав в Петербург, он сразу попал в дружескую среду; братья Ковалевские (Александр и Владимир Онуфриевичи), с которыми он был уже близок, пригласили его остановиться у них. Тогда же он познакомился с профессором Андреем Николаевичем Бекетовым и очень сошелся со всей его семьей. Вообще он всюду был хорошо принят; его раннее научное призвание возбуждало всеобщий интерес. На основании его научных работ факультет решил дать ему магистерскую степень без всякого экзамена; ему присудили, пополам с А. О. Ковалевским, первую Бэрдовскую премию; сам Бэр пригласил к себе молодых людей и обласкал их. Илья Ильич вступал в фазу успеха; друзья прозвали его „звездой“. Получив степень магистра, он тотчас был выбран доцентом в Одесский университет.

Так как приближалось время каникул, то он мог, наконец, поехать к родным. Нечего и говорить, с какой радостью и гордостью встретили его дома. Он провел со своими около двух месяцев, которыми воспользовался для подготовки к профессорской деятельности.

Торопясь в Одессу, чтобы успеть там ориентироваться перед началом курса, он приехал в разгар каникул, никого не застал и решил направиться в Крым, ознакомиться с фауной Черного моря. Там он познакомился с знаменитым ботаником Ценковским, который вскоре пригласил его приехать к себе на дачу. Ценковскому было тогда сорок шесть лет; Илье Ильичу — всего двадцать два года; тем не менее они быстро сошлись. Ценковский был выдающимся, культурным, европейским человеком, большим спорщиком и скептиком. Несмотря на свое страстное отношение к науке, критический ум его подвергал все строгому анализу. Он заинтересовался Ильей Ильичом и отнесся к нему с большой симпатией, что, однако, не мешало ему часто строго критиковать его. Он особенно нападал на него за несдержанность и отечески взялся „цивилизовать“ чересчур пылого, импульсивного и часто резкого юношу. Он доказывал ему невозможность всегда идти напролом, необходимость сообразоваться с мнением других, проповедывал ему терпимость, самообладание, даже неизбежность подчинения известным общепринятым условностям, против которых Илья Ильич восставал с юношеской прямолинейностью. Ценковский имел большое влияние на него. Илья Ильич стался сообразоваться с его советами, поскольку позволяла это его страстная натура. Часто даже в последующей жизни любил он приводить изречения своего старого друга.

В это пребывание в Крыму он усиленно работал, поражая всех своей энергией и выносливостью. Он совершал экскурсии, несмотря на тропическую жару, тогда, когда все изнемогали.

В конце лета он вернулся в Одессу и с большим увлечением принялся за новую свою деятельность. Лекции он читал живо и ярко, возбуждая интерес в студентах, заставляя их работать. Он читал третьему курсу; все его ученики были старше его самого. Между ними сразу установились простые, приятельские отношения. Он организовал практические занятия, и в его лаборатории вскоре работа закипела.

Таким образом все шло очень хорошо, и он, быть может, долго еще оставался бы в Одесском университете, если бы не следующее обстоятельство, связанное с его страстностью и юношеской нетерпимостью.

В конце 1867 года в Петербурге должен был открыться первый в России съезд естествоиспытателей. Илье Ильичу

очень хотелось попасть на него, и он стал хлопотать о командировке в качестве делегата от университета. Из-за этого возникло столкновение между ним и его принципалом, старым профессором Маркузеном, который сам желал ехать на съезд. Зная, что у Маркузена не было действительного научного интереса к этому, Илья Ильич считал себя в праве настаивать. Он рассчитывал на поддержку Ценковского; но тот доказывал, что молодой человек должен уступить старшему. Большинство профессоров стали на сторону Маркузена, принадлежавшего к их партии. Дело принимало острый характер. Илья Ильич был вне себя, терял всякое самообладание и имел неосторожность с горечью жаловаться студентам на поведение факультета, которое считал вопиющей несправедливостью. Студенты, из симпатии к Илье Ильичу, устроили скандал Маркузену, чем еще более восстановили профессоров против юного доцента. В конце концов решено было послать обоих зоологов делегатами на съезд.

Приехав в Петербург, Илья Ильич сейчас же побежал к Бекетовым, где был принят с распростертыми объятиями. После всех пережитых волнений он особенно сильно почувствовал радость очутиться в дружеской среде. Порывистый и впечатлительный, он уже стремился бросить Одесский университет, где испытал столько неприятностей. Желанию этому скоро суждено было осуществиться. Сообщения его имели настолько блестящий успех, что председатель съезда просил его сделать доклад в общем собрании. Предложение это очень соблазняло Илью Ильича, которому хотелось изложить свои идеи относительно сравнительной эмбриологии зародышевых пластов. Однако критический дух был у него уже настолько развит, что он чувствовал недостаточную зрелость этого сложного вопроса и отказался от заманчивого предложения. Тем не менее на съезде обратили на него внимание, и ему предоставлена была возможность перейти доцентом по зоологии в Петербург при кафедре профессора Кесслера. Так как до каникул оставалось уже немного времени, он получил сверх того заграничную командировку и весной 1868 года направился в Неаполь, где рассчитывал застать А. О. Ковалевского. Но он нашел лишь от него письмо, сообщающее о спешном отъезде для исследования в Мессину и просьбу позаботиться о его жене и новорожденной девочке, остающихся

в Неаполе до тех пор, пока молодая женщина будет в состоянии предпринять путешествие. Илья Ильич охотно выполнил поручение друга, даже нянчил ребенка, так как очень любил детей и заботливо снарядил в путь мать и дочь.

Так как Ковалевский писал, что зоологический материал и условия работы в Мессине значительно лучше, то Илья Ильич вскоре туда переехал и погрузился в исследования губок и иглокожих. Друзья работали запоем. Глаза Ильи Ильича не выдержали, и он принужден был на время прервать микроскопические исследования. В этот период переутомления и насильственного отдыха впервые почувствовал он потребность сердечной, личной жизни. Он мечтал о подруге, соответствующей его идеалам.

За время пребывания в Петербурге он очень привязался к девочкам Бекетовых; старшей было всего тринадцать лет. Он говорил себе, что, быть может, руководя развитием этих детей, ему удастся воплотить свой идеал в одной из них. Но его деятельная природа не могла долго останавливаться на мечтах и продолжительном бездействии. Поэтому он предпринял маленькое путешествие через Реджио и Калабрию в Неаполь, рассчитывая, что за это время зрение его оправится. Надежда его оправдалась, но пребывание в Неаполе на этот раз оказалось неудачным. Исследуя асцидий, он пришел к выводу, противоречившему результатам А. О. Ковалевского, что очень волновало и огорчало обоих¹. К этому присоединилось вечное опасение за зрение, общее переутомление, нестерпимая жара и раздражение от непрерывного неаполитанского шума; назойливые серенады не давали ему спать и довели до такого возбуждения, что в одну прекрасную ночь он вылил ведро помоев на голову неумолимых музыкантов. Все это становилось невыносимым, и он уехал на Адриатическое море, в Триест, чтобы закончить исследование превращения иглокожих и установить их генетическую связь с другими низшими животными. Нарботавшись вдоволь, он вернулся в Россию и поехал в Москву, где на даче в Хаванском жили Бекетовы, а по соседству — близкая им семья Федоровичей.

¹ Ковалевский нашел, что у асцидий нервная система эктодермального происхождения, а Илья Ильич — энтодермального. Позднее он сам убедился, что Ковалевский был прав.

В это пребывание Илья Ильич и подружился с Людмилой Васильевной Федорович, ставшей впоследствии его женой.

Привязанность его к детям Бекетовых наводила его на размышления о вопросах воспитания. Он тогда впервые остановился на мысли о дисгармонии в человеческой природе, — дисгармонии, зависящей от той значительной разницы в организме ребенка и взрослого, которой вовсе нет в такой степени у животных. Эти соображения легли в основу его позднейшего очерка „Воспитание с антропологической точки зрения“, о котором будет речь впереди. Вернувшись в Петербург и желая приступить к изучению занимавшего его вопроса, он стал сравнивать строение мозга человека и собаки в различные их возрасты. Однако он не получил никаких определенных результатов.

Вскоре он убедился в том, что условия занятий на новом месте крайне неблагоприятны. Лаборатории у него не было; приходилось работать в холодном музее между шкафами коллекций. Для практических занятий со студентами совсем не было помещения. Одним словом, все его порывы к научной и преподавательской деятельности разбивались о равнодушие, неустройство, недостаток средств и т. д. Он протестовал со всей обычной страстностью, но ничего не мог добиться, раздражался, приходил в отчаяние. Частная жизнь его также была неприглядна. По принципам и из экономии он хотел обходиться без посторонней помощи, сам готовить и хозяйничать. Однако все шло у него из рук вон плохо. Прежде всего ему надоело прибирать, и скоро в комнате завелся хаотический беспорядок; потом и готовить было скучно; он стал ходить обедать в какую-то плохую немецкую кухмистерскую. И все же, несмотря на все лишения, он не мог сводить концов с концами. Пришлось читать лекции в отдаленном горном корпусе. Из экономии туда приходилось ходить пешком даже в самую страшную стужу; ученики вовсе не интересовались отвлеченной наукой, так что заработок этот был тяжелой повинностью, без всякого нравственного удовлетворения. И вот пребывание в Петербурге, от которого он ждал столько хорошего, принесло ему ряд тяжких разочарований. Его столь радостное настроение вскоре стало уступать место пессимизму и мизантропии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЖЕНИТЬБА

Илья Ильич отводил душу в семье Бекетовых. С детьми у него установилась нежная дружба. Он водил их гулять, в театр, читал им вслух и всячески баловал их. Все сильнее привязываясь к ним, он продолжал мечтать подготовить себе подругу жизни из одной этих девочек. Всех более интересовала его старшая, живая, умная и талантливая тринадцатилетняя девочка. Но постепенно он стал убеждаться в том, что они не могут сойтись характерами; между ними часто происходили столкновения по самым незначительным поводам. Их общий друг, Людмила Васильевна Федорович, старалась мирить их и вообще выказывала Илье Ильичу горячую симпатию. Следующее обстоятельство послужило поводом к их окончательному сближению. Вот как сам Илья Ильич описывал происшедшее матери:

...„Недавно у меня в течение двух недель было воспаление в горле, — вещь, которая теперь уж совсем прошла и о которой я тебе не писал бы вовсе, если бы она не имела связи с другим делом. Когда я сделался нездоров, то Бекетовы перевели меня к себе, так как в моей квартире, где я совершенно один, невозможно мне было справиться. Живя у них, я имел отличный случай убедиться в том, что мои возлюбленные дети меня совершенно не любят, особенно та, к которой я был более всех привязан... Так и лопнули те планы, о которых я мечтал. Мне это было весьма неприятно, так как после моих научных дел это обстоятельство меня все-таки близко касалось. Я ведь никаких знакомств почти не имею и терпеть их не могу; люблю же, чтобы был кто-нибудь, к кому можно было бы привязаться и в сообществе с кем я мог бы отдыхать. Я бы огорчился еще хуже, если бы не видел, что моим неприятностям, какого бы рода они ни были, сочувствует Людмила, о которой я тебе летом рассказывал. Я и тогда с ней был в большой дружбе, теперь же мы сблизились еще больше, и, чего доброго, лишние 800 рублей, которые я буду получать, мне, пожалуй, понадобятся. Я тебе буду обо всем писать, милая мама, потому

что уверен, что ты будешь мне более всех сочувствовать, и потому что я сам тебя больше всех люблю и более доверяю. До свиданья, дорогая моя, целую твои ручки. Твой Ил. Мечников".

Во время его болезни Людмила Васильевна безустанно ухаживала за ним. Не успел он оправиться, как сама она слегла. Симпатия, которую он, в свою очередь, оказывал ей, еще более сблизила их, и тогда-то написал он матери вышеприведенное письмо о возможности брака. Известие это очень встревожило ее; она боялась, что, в случае женитьбы на девушке слабого здоровья, Илье Ильичу, при скромности его средств, будет предстоять непосильно тяжелая жизнь, и она старалась отговорить его. Такое отрицательное отношение очень огорчило его; вот что он отвечал ей:

"Сегодня я получил твое письмо от 19 декабря, милая мама, которое меня очень огорчило. Ты с сомнением относишься к моему делу, советуешь быть осторожным и хотя пишешь, что веришь в мое благоразумие, но все-таки боишься, что я увлекаюсь. Если я в самом деле благоразумен, то зачем предполагать слепое увлечение; если же теперь увлекаюсь, то вряд ли меня можно сделать благоразумным. Я тебе в самом деле говорил, что очень люблю Бекетовских детей, но разве я тебе хоть раз выговорил, что они меня любят также?.. Ты совершенно несправедливо думаешь, что Людмила мне прежде не нравилась. Я в нее не был влюблен, но находился с ней в очень дружеских отношениях и хотя не считал ее идеалом женщины, но все-таки был уверен в том, что она вполне честный, добрый и хороший человек. Именно то обстоятельство, что я долго знал Людмилу прежде, чем притти к мысли на ней жениться, может тебе показать, что существуют шансы в пользу моего беспристрастного отношения к ней и отсутствия слепого увлечения. Она меня весьма любит, и это не подлежит сомнению, как ты, наверное, сама узнаешь, если познакомишься с нею. Я ее также люблю весьма сильно, и это уже составляет весьма основательный фундамент для будущего счастья, хотя, разумеется, я не могу тебе поручиться, что мы во чтобы то ни стало будем весь век жить голубками. Какое-то розовое, беспредельное блаженство вовсе не входит в мои планы относительно отдаленной будущности. А я никак не могу сообразить, почему бы было лучше, если бы я стал ждать, пока у меня разовьется мизантропия, — вещь, на которую я оказываюсь весьма способным. Ты, пожалуйста, не подумай, что если я не мечтаю о розовом счастье, то это означает, что я не ощущаю счастья вовсе. Это совершенно несправедливо, так как я нахожусь совершенно на середине. Я очень люблю Людмилу, и мне весьма хорошо с нею, но в то же время я сохраняю способность ощущать неудобство от каких бы то ни было неудобств и отнюдь не считаю, что достаточно любить друг друга для того, чтобы быть счастливыми. Оттого-то я на первом плане хлопотал о профессуре и принимал это финансовое дело очень близко к сердцу..."

В следующем письме Илья Ильич писал:

„Милая мама, в прошлом письме я тебя уже предупреждал относительно Людмилы Федорович, так что теперь могу сообщить о ней некоторые сведения, которые тебе, разумеется, интересны. Она недурна собой, но не болеет. У нее хорошие волосы, но зато дурной цвет лица. Ей почти столько же лет, как и мне, т.е. 23 с лишним года. Родилась она в Оренбурге, потом долго жила в Кяте, затем она года два жила за границей и, наконец, поселилась в Москве. Эта Людмила, или Люся, как ты помнишь, весьма старательно была посредником между мною и детьми Бекетовых, к которым я был очень сильно привязан. Но она сама меня тогда любила, хотя и уверяла себя постоянно, что я, так сильно любящий детей Бекетовых, ни под каким видом не могу ей сочувствовать. И она была совершенно права, но до тех только пор, пока сохранялась моя любовь к детям; с тех же пор, как она прекратилась, я, само собою разумеется, стал более обращать внимание на расположение ко мне Люси и не удивляюсь поэтому, что сильно полюбил ее. В ней такие недостатки, которые, на мой взгляд, покажутся большими, чем тебе, но что же с этим делать! Хорошо, что она сама их знает. Недостаток ее самый существенный состоит в слишком покойном характере в отсутствии большой живости и предприимчивости, в способности скоро сживаться с дурной обстановкой. Но зато, будучи покойным, у нее характер сильный, — она может много переносить и оставаться вполне рассудительной. Она в высшей степени добрая и милая, и в характере у нее я до сих пор не нашел ни одной грубой черты. Я ведь пишу тебе и о недостатках, следовательно ты не должна думать, что я чересчур увлекаюсь Люсей и потому нахожу в ней достоинства. Факт положительный тот, и я забыть этого не могу, что всегда, когда я себя чувствовал почему-либо скверно, то она, т.е. сношения с нею меня успокаивали. Как бы мрачно я ни смотрел на будущее (а мой характер, как знаешь, не особенно побуждает меня смотреть сквозь розовые очки), все-таки я не могу не признавать того, что, живя вместе с Люсей, я, по крайней мере, на довольно долгое время сделаюсь спокойным и перестану страдать от той нелюдимости, которая на меня напала в последнее время. А это для меня крайне важно. Детей иметь не предполагается; это тебе говорит эмбриолог, т.е. специалист по истории развития. Предполагается, напротив, как можно меньше связываться, хотя нельзя будет обойти законных треб, которые совершены будут, вероятно, в январе. Хотя Люся имеет только незначительную собственность, но я буду вполне обеспечен повышением оклада. Жаль, что это дело, вследствие всегда присущих формальностей, несколько затягивается, но во всяком случае состоится. Пожалуй, напиши мне, моя дорогая, милая мама, все, что тебе придет в голову по поводу моего дела. Порадуйся тому, что я теперь очень счастлив, и пожелай мне и впредь всего хорошего. Прошу о том же и папу, которому шлю поклон. Целую тебя, моя родная, и остаюсь сильно любящий тебя Ил. Мечников“.

Чем больше узнавал Илья Ильич Людмилу Васильевну, тем больше привязывался к ней. Казалось счастье могло быть полным. Но жестокая судьба решила иначе. Здоровье молодой

женщины не поправлялось, а, напротив, предполагаемый бронхит принимал хронический характер. Жени́тьба была тем не менее решена. Для венчания Людмилу Васильевну должны были внести в церковь на кресле, так как она не могла ходить из-за одышки. Илья Ильич всячески старался окружить жену удобствами, надеясь спасти ее уходом, рациональным лечением. И вот началась почти ежедневная борьба с болезнью и нуждой. Надо было во что бы то ни стало увеличить заработок. Илья Ильич взялся за переводы. Работая чрезмерно, он вновь переутомил зрение; пришлось впускать атропин в глаза и при таких-то условиях работать по ночам из-за возможности существовать!.. В его квартире была одна светлая комната; он организовал в ней маленькую лабораторию для практических занятий со студентами ¹. Сам он больше не мог продолжать своих исследований, так как все время уходило на преподавание и на переводы. Он скрывал от родителей свое трудное положение, с одной стороны, не желая отягощать их и без того обремененного бюджета, а с другой — чтобы не подтвердить их опасений по поводу его жени́тьбы. Болезнь жены, невозможность работать, нужда, отсутствие активного участия и помощи, которых он заслуживал, — все это удручало его, возбуждало в нем горечь и мнительность; ему казалось, что его преследуют.

Положение становилось невыносимым. Несмотря на свою гордость, он стал хлопотать о субсидии, чтобы везти жену лечить за границу и там работать. К счастью, это удалось.

В январе 1869 года они уехали из ненавистного ему теперь Петербурга. Радость и счастье молодой четы было безмерно. Они были веселы, как дети, шутили и готовы были забыть минувшие беды. Не тут-то было! Чтобы не утомлять Людмилу Васильевну, остановились переночевать в Вильне; здесь у нее впервые сделалось кровохарканье. Илья Ильич, сам глубоко взволнованный, нежно утешал и успокаивал ее. При первой возможности продолжали путь и после нового припадка, наконец, добрались в Специю, избранную из-за мягкого климата и богатой морской фауны. Мало-по-малу здоровье Людмилы Васильевны стало поправляться, так что Илья Ильич мог снова

¹ У него занимались тогда Грибницкий, будущий начальник Командорских островов, и Чирьев, будущий профессор физиологии.

приняться за научную работу. Он исследовал пелагических животных с точки зрения их генеалогии.

Изучая личинки иглокожих, между прочим торнарию, в которой предполагали морскую звезду, к удивлению своему он нашел, что, несмотря на огромное сходство с личинками иглокожих, торнария не была таковой; она принадлежала к оригинальной группе *Balanoglossus*, относящейся к червям. Факт этот таким образом устанавливал связь между типом иглокожих и червей, что имело большое значение с точки зрения непрерывности цепи животных типов вообще.

Эта удачная работа и улучшение здоровья жены подняли дух Ильи Ильича; к нему возвращалась его природная веселость. Людмила Васильевна хорошо рисовала и помогала ему делать рисунки к его таблицам. Постепенно она заинтересовалась работой и стала принимать в ней активное участие. Оба были счастливы, довольны, и пребывание в Специи было настоящим оазисом в их жизни. Когда стало жарко, переехали в Рейхенгаль, куда Боткин советовал везти больную на лето. Здесь Илья Ильич закончил и дополнил свои прежние исследования истории развития скорпиона. Он окончательно установил присутствие у него трех зародышевых пластов, как у позвоночных, следовательно — непрерывность связи обоих типов. Здоровье Людмилы Васильевны не позволяло ей, однако, вернуться к зиме в Россию. Поэтому решено было выпустить ее сестру, Надежду Васильевну, и устроить их вдвоем в Монтрё; сам же Илья Ильич должен был ехать в Петербург к началу учебного года. Эта насильственная разлука глубоко огорчала обоих.

Для Ильи Ильича опять началась тяжелая, трудовая жизнь. Будучи доцентом Петербургского университета, он отказался от Горного корпуса и стал хлопотать о прибавке жалованья; ему дали 800 рублей, что составляло в общем жалование экстраординарного профессора. Но положение его было крайне неловким из-за того, что партия, к которой он не принадлежал (казанская, с Бутлеровым и Овсянниковым во главе), желала привлечь своего кандидата, зоолога Вагнера, на место, предназначавшееся Илье Ильичу. Ввиду этого, его верный друг Иван Михайлович Сеченов задумал предложить его в медицинскую академию на место выбывшего зоолога Бранта. В ожидании разрешения этого вопроса Илья Ильич получил коман-

дировку, съездил за женой и поехал с нею в Сан-Ремо и Виллафранку, где стал усердно работать. Людмила Васильевна значительно поправилась и могла даже принимать участие в его занятиях. Он тогда исследовал ктенофор, медуз и сифонофор; животные эти интересовали его не только с точки зрения происхождения зародышевых пластов, присутствие которых ему уже удалось доказать у многих низших групп, но также и с точки зрения вопросов общей морфологии органов. Исследуя раньше превращения иглокожих, он нашел, что план строения их, считавшийся до сих пор неизменным для каждого типа, видоизменяется по мере развития животного. Так, двусимметричная личинка, превращаясь в взрослую форму, приобретает лучистое строение. Из этого вытекало, что „план“ животных не есть неизбежный признак типа, но что „планы“ могут переходить друг в друга в одном и том же типе. Оставалось еще решить вопрос о происхождении обособленной полости тела животных. Присущая всем высшим формам, она отсутствует у некоторых низших, как у губок, полипов, медуз. Спрашивалось, не соответствует ли эта морфологическая разница — двойственности происхождения полостных (Coelomatae) и бесполостных (Acoelae) животных.

Ковалевский уже доказал, что полость тела многих животных (амфиоксуса, сагитты, руконогих) происходит из боковых мешкообразных отростков кишечника: отщепляясь, они образуют полость тела. Но для доказательства генетической связи между полостными и бесполостыми надо было установить соответствие органов (гомологию) в обеих группах.

Илья Ильич исследовал теперь, с одной стороны, полостных (иглокожих) и с другой, — бесполостных или кишечно-полостных (ктенофор и медуз) и показал, что боковые мешки кишечной полости, из которых происходит полость тела „полостных“ (иглокожих), соответствуют водяным каналам и кишечным отросткам бесполостных (ктенофор и медуз). Вся разница в том, что каналы и отростки эти у них не отделяются от общей кишечной полости для образования отдельной полости тела, отчего она и остается необособленной. Это окончательно устанавливало общность и единство происхождения обеих групп (полостных и бесполостных), так как морфология органов вполне подтверждала данные истории развития.

Удачные результаты работы и улучшение здоровья жены радовали Илью Ильича, все шло хорошо, опять стала оживать надежда на лучшее будущее. От Сеченова, однако, было получено известие о забаллотировке Ильи Ильича в медицинской академии. Там нашли удобным заменить кафедру по зоологии кафедрой по венерическим болезням. Зато Илья Ильич был приглашен ординарным профессором на место Маркузена в Одесский университет. За него стоял Ценковский, что особенно радовало Илью Ильича, и избран он был единогласно. Он должен был вступить в должность только после каникул. Поэтому на лето он поехал в Нормандию, в Сен Ва (St. Vaast), где хотел исследовать происхождение зародышевых пластов люцернари. Поездка эта оказалась неудачной во всех отношениях. Погода была холодная и бурная, люцернари не оказалось; условия жизни были очень неблагоприятны. Чтобы хоть сколько-нибудь использовать свое пребывание на море, он стал вновь исследовать асцидий и нашел, что в Неаполе ошибся, когда пришел к выводам, противоречившим Ковалевскому, относительно происхождения нервной системы этих животных, о чем он тотчас написал ему.

Людмиле Васильевне опять стало хуже. Илья Ильич повез ее к родным в Москву, а затем в Панасовку. Врачи советовали лечение кумысом; для приготовления его был приглашен татарин. Но, несмотря на лечение и все заботы, здоровье Людмилы Васильевны видимо ухудшалось. Лето было жаркое, такое сухое, что постоянно приходилось развешивать мокрые простыни, чтобы доставить хоть сколько-нибудь влаги больной; она сильно лихорадила, по ночам у нее делались кровохарканья. Оставлять ее в России было невозможно.

Между тем Илья Ильич неизбежно должен был ехать осенью в Одессу на свой новый профессорский пост. Людмила Васильевна поехала с сестрой в Монтрё. Разлука становилась все тяжелее, так как надежда начинала блекнуть. Однако Людмиле Васильевне говорили о чудотворном влиянии климата Мадеры на чахоточных. Бедняжка ухватилась за эту мысль, как утопающий за соломинку... Илья Ильич решил во что бы то ни стало везти ее туда. Еще усиленнее стал он работать, чтобы добыть денег на поездку; так как, несмотря на все его лишения, средств не хватало; приходилось прибегать к переводам и статьям. У него была готовая тема, и он написал статью

о „Воспитании с антропологической точки зрения“. Это был первый абрис его идей о дисгармониях человеческой природы. Он разбирал те из них, которые вызваны несоответствием большой разницей между организмом ребенка и взрослого. „Воспитательный“ период у животных очень короток, и детеныши быстро могут подражать взрослым, вести их образ жизни. У человека же „воспитательный“ период, длинный уже сам по себе, удлиняется еще более пропорционально с цивилизацией. Детский мозг требует долгого развития, чтобы быть в состоянии постигнуть сложность жизни взрослого. Между тем некоторые инстинкты и органы ребенка развиваются раньше, чем могут функционировать; развитие крайней чувствительности рядом с несоразмерно слабой волей — все это вызывает целый ряд страданий и печальных последствий, нарушающих равновесие жизни.

Помимо утомления от непосильной работы, в душе Ильи Ильича происходила тяжелая нравственная борьба, связанная с невозможностью согласовать свое поведение с убеждениями.

В Одесском университете шли непрерывные партийные интриги. Националистическая партия теснила поляков и забаллотировала одного профессора (Веригу) исключительно из-за его национальности. Ценковский протестовал, подав в отставку. Илья Ильич был на его стороне, рвался поступить так же как он, но это было ему недоступно, и он глубоко страдал. Другим тяжким испытанием была постоянная необходимость просить отпуска и командировок для поездок за границу. Он старался находить всякие компромиссы с совестью, но ему не удавалось успокоить ее.

Перед отъездом на Мадеру Людмила Васильевна захотела повидаться с родными. Илья Ильич повез ее в Россию. Это было ее последнее свидание со своими.

Наконец направились в дальний путь. Переезд был очень тяжелым, но, добравшись до Мадеры, больной казалось, что она ухватилась за якорь спасения. На следующее утро Илья Ильич лихорадочно заторопился ориентироваться. Красота природы была необычайна. Одни многочисленные тяжело больные напоминали о страданиях и смерти. „Могила, скрытая цветами“, говорил он себе с жуткой тоской. Возрастающая грусть под-

сказывала ему, что нечего ждать от этой пышной природы. По характеру скалистых и открытых прибою берегов он сейчас же увидел, что на зоологический материал мало надежды. Единственное его убежище, которого он искал в работе, исчезло.

Русский консул, к которому он обратился за справками, советовал нанять квартиру, так как это было дешевле, чем жить в пансионе. Найдена была хорошенькая дача с садом за 500 рублей. Это было не по средствам, но, к счастью, их попутчик, молодой остзейский немец Мертенс, предложил нанять ее сообща. Он занял мезонин и, будучи очень деликатным, вовсе не стеснял сожителей, а, напротив, вскоре стал другом дома.

Перед поездкой на Мадеру Илья Ильич получил командировку и субсидию от Московского Общества Испытателей Природы. Это ставило его в нравственную необходимость добиться каких-нибудь научных результатов. Тем более приходил он в отчаяние от бедности зоологического материала. Не находя ничего более подходящего, он стал исследовать историю развития многоножек, недостаточно известную раньше. Но работа эта доставила ему лишь новый источник страдания: техника оказалась очень трудной, он не мог справиться с нею, раздражался, был недоволен собой; нервы не выдерживали — он был уж слишком измучен. Внешняя сторона жизни была в полном контрасте с душевным состоянием. Чудная, ни с чем несравнимая красота природы, благоухание цветов, симпатичная среда, удобство жизни — такова была рама, в которой разыгрывалась трагедия одной гибнущей молодой жизни и другой — напрасно выбивающейся из сил, чтобы спасти ее!..

Обстоятельства могли только способствовать развитию пессимизма Ильи Ильича. мрачно было его мировоззрение. Он говорил себе, что дисгармонии человеческой природы должны неизбежно привести человечество к гибели. Из этих размышлений возникла статья „О возрасте вступления в брак“. Мысль ее заключалась в том, что в то время, как брак по мере цивилизации и культурности все отодвигается, половое развитие наступает так же рано, как и прежде, вследствие чего период несоответствия между наступлением половой зрелости и браком все увеличивается, внося в жизнь целый ряд ненормальных условий. Статистика самоубийств доказывает несомненную связь последних с продолжительностью этого периода.

В то время, как Илья Ильич несколько отвлекался этими занятиями от личного горя, Людмила Васильевна, со своей стороны, старалась заполнить время обучением бедных детей, рисованием цветов, чтением романов. Жизнь текла тихо и мирно, несмотря на подтачивающую ее драму. Однако мысль о том, что он занимает кафедру и не читает лекций, постоянно мучила Илью Ильича. Он уже подумывал выйти в отставку и завести книжный магазин на Мадере, что давало бы ему возможность независимого существования и позволило бы не разлучаться с женой. Но на это нужны были деньги, которых не было... В поисках заработка он поехал на остров Тенериф, имея в виду описать свое путешествие. Не без препятствий и затруднений удалось ему выполнить этот план. Однако он осмотрел сад с знаменитым драконовым деревом, возраст которого определяют в 6000 лет на основании его гигантских размеров и числа разветвлений. Дерево это, уже тогда разбитое грозой, лежало опрокинутым в виде какого-то допотопного чудовища. Из других достопримечательностей Тенерифа он осмотрел пещеру вымершего народа — гуанчей. Собрав нужные сведения об острове и его истории, он поторопился вернуться на Мадеру.

Опять стали проходить длинные месяцы без всякой перемены. Мысль о книжном магазине была покинута, как невыполнимая. Илья Ильич решил возвратиться в Одессу и выписать вместо себя Надежду Васильевну. По ее приезде он поручил обеих молодых женщин попечению Мертенса и доктору Гольдшмиду и уехал с сознанием бесполезности всех усилий и с прочно установленным пессимистическим мировоззрением.

Возвратившись в Одессу в сентябре 1872 года, он застал там Сеченова, которого предложил на кафедру физиологии в Одесском университете перед своей поездкой на Мадеру. Сеченов теперь был ему большой нравственной поддержкой в эту тяжелую эпоху жизни. Он нашел также близких друзей в молодой, симпатичной чете Умовых, у которых отводил душу. Переписка этого периода с женой была полна той нежности, которую торопятся дать друг другу, чувствуя приближение близкой, вечной разлуки.

В конце января, между двумя лекциями, Илья Ильич получил письмо от Надежды Васильевны: она вызывала его ввиду ухудшения состояния здоровья жены. Машинально читав

вторую лекцию, он побежал взять отпуск. Весь путь проехал он безостановочно. Увидя жену, Илья Ильич не сразу узнал ее, так она изменилась. Он нашел, однако, силу скрыть свой ужас перед нею. Она более не покидала постели; ей постоянно давали морфий, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить страдания. Здоровье Ильи Ильича также было в печальном состоянии. Зрение его так переутомилось, что он должен был сидеть в темной комнате; только под вечер выходил он в сад наблюдать улиток и пауков. Время проходило в томительной неизвестности, в заботе о добывании дальнейших средств к существованию. Илья Ильич рассчитывал на Бэрдовскую премию за представленную им зоологическую работу, но не получил ее под предлогом, что статья его была написана, а не напечатана. В действительности же немецкая партия хотела дать ее соотечественнику. Об этом сообщил ему бывший товарищ по Гиссену, барон Стюарт. Зная печальное положение Ильи Ильича, он дружески предлагал ему занять денег. Илья Ильич решился взять у него займы 300 рублей. Тогда он думал только как бы дотянуть и на все махнул рукой.

Однажды утром больной стало сразу хуже. Спешно послали за доктором. Он объявил, что ей осталось всего несколько часов жизни... После его ухода Илья Ильич вошел в комнату жены и застал ее с широко открытыми глазами, полными такого глубокого ужаса и отчаяния, что он не выдержал и выбежал, боясь выказать свое волнение. Это было последним впечатлением; больше он ее не видел... Он шагал по зале в каком-то полусознательном состоянии, открывал и закрывал книги, ничего не видя, представлял себе разные отрывочные картины и не отдавал себе отчета о времени. Надежда Васильевна пришла сказать, что все кончено... Это было 20 апреля 1873 года. Илья Ильич ощущал смешанные чувства отчаяния, подавленности и облегчения, что наконец, кончена эта агония. В течение всей ужасной ночи он оставался с Надеждой Васильевной в отдаленной комнате: они говорили, как говорят только в такие минуты. На другой день доктор Гольдшмидт, преданный друг, застал его сравнительно покойным. Илья Ильич просил его сделать вскрытие и заняться Надеждой Васильевной. Пришел также шотландский пастор; он уговаривал вдовца обратиться к богу и искать в нем утешения. Илья Ильич благодарил его, но с твердостью отвечал,

что для него это невысказано. Похороны состоялись 22-го. Он не присутствовал на них и не видел умершей.

Тотчас после похорон Илья Ильич покинул Мадеру вместе с Надеждой Васильевной и одним молодым русским, которого увозил с собой, потому что тот стремился повидать мать, но не имел средств на поездку к ней; Илье Ильичу больше не зачем было экономить. После катастрофы он не мог думать о будущем; его жизнь точно оборвалась. Без определенной цели истребил он все свои бумаги и захватил баночку морфия.

Обратно поехали через Лиссабон и Испанию. Карлистское восстание было в разгаре, и разные дорожные приключения служили временным отвлечением. Поехали в Женеву, где жил Лев Ильич и дядя Евграф Иванович с семьей, с которой Илья Ильич был близок. Среди родных он будто бы оправился, даже с увлечением рассказывал о встрече с карлистами и о дорожных приключениях. Но это кажущееся спокойствие скрывало тяжелую душевную драму. Он спрашивал себя: „К чему жить? Личная жизнь кончена; глаза так плохи, что скоро ослепну, работать больше не смогу. К чему же жить?“ Не видя исхода, он проглотил свой запас морфия. Он не знал, что очень большие дозы, вызывая рвоту, удаляют яд. Так и случилось с ним. Он впал в блаженное состояние, сопровождаемое ощущением бестелесности и полного покоя. Однако он не терял сознания и ничуть не боялся смерти. Его, конечно, больше не спустили с глаз. Придя в себя, он совсем растерялся. „Быть может всего лучше сильно заболеть, — думал он, — тогда или умрешь, или вернется жизненный инстинкт“.

Он взял очень горячую ванну, после которой облился ледяной водой и вышел на холод, надеясь сильно простудиться.

Проходя по мосту, через Рону, он вдруг увидел насекомых, летающих вокруг пламени фонаря. Это были фингоны, но издали он принял их за поденок (эфемер) и подумал: „Как применить теорию естественного подбора к этим насекомым, когда они живут всего несколько часов, вовсе не питаются, следовательно не подвержены борьбе за существование и не имеют времени приспособиться к внешним условиям?“

Мысль его направилась к научным вопросам. Он был спасен. Связь с жизнью восстановилась!

the first of these is the fact that the
the second is the fact that the
the third is the fact that the
the fourth is the fact that the
the fifth is the fact that the
the sixth is the fact that the
the seventh is the fact that the
the eighth is the fact that the
the ninth is the fact that the
the tenth is the fact that the
the eleventh is the fact that the
the twelfth is the fact that the
the thirteenth is the fact that the
the fourteenth is the fact that the
the fifteenth is the fact that the
the sixteenth is the fact that the
the seventeenth is the fact that the
the eighteenth is the fact that the
the nineteenth is the fact that the
the twentieth is the fact that the
the twenty-first is the fact that the
the twenty-second is the fact that the
the twenty-third is the fact that the
the twenty-fourth is the fact that the
the twenty-fifth is the fact that the
the twenty-sixth is the fact that the
the twenty-seventh is the fact that the
the twenty-eighth is the fact that the
the twenty-ninth is the fact that the
the thirtieth is the fact that the
the thirty-first is the fact that the
the thirty-second is the fact that the
the thirty-third is the fact that the
the thirty-fourth is the fact that the
the thirty-fifth is the fact that the
the thirty-sixth is the fact that the
the thirty-seventh is the fact that the
the thirty-eighth is the fact that the
the thirty-ninth is the fact that the
the fortieth is the fact that the
the forty-first is the fact that the
the forty-second is the fact that the
the forty-third is the fact that the
the forty-fourth is the fact that the
the forty-fifth is the fact that the
the forty-sixth is the fact that the
the forty-seventh is the fact that the
the forty-eighth is the fact that the
the forty-ninth is the fact that the
the fiftieth is the fact that the
the fifty-first is the fact that the
the fifty-second is the fact that the
the fifty-third is the fact that the
the fifty-fourth is the fact that the
the fifty-fifth is the fact that the
the fifty-sixth is the fact that the
the fifty-seventh is the fact that the
the fifty-eighth is the fact that the
the fifty-ninth is the fact that the
the sixtieth is the fact that the
the sixty-first is the fact that the
the sixty-second is the fact that the
the sixty-third is the fact that the
the sixty-fourth is the fact that the
the sixty-fifth is the fact that the
the sixty-sixth is the fact that the
the sixty-seventh is the fact that the
the sixty-eighth is the fact that the
the sixty-ninth is the fact that the
the seventieth is the fact that the
the seventy-first is the fact that the
the seventy-second is the fact that the
the seventy-third is the fact that the
the seventy-fourth is the fact that the
the seventy-fifth is the fact that the
the seventy-sixth is the fact that the
the seventy-seventh is the fact that the
the seventy-eighth is the fact that the
the seventy-ninth is the fact that the
the eightieth is the fact that the
the eighty-first is the fact that the
the eighty-second is the fact that the
the eighty-third is the fact that the
the eighty-fourth is the fact that the
the eighty-fifth is the fact that the
the eighty-sixth is the fact that the
the eighty-seventh is the fact that the
the eighty-eighth is the fact that the
the eighty-ninth is the fact that the
the ninetieth is the fact that the
the ninety-first is the fact that the
the ninety-second is the fact that the
the ninety-third is the fact that the
the ninety-fourth is the fact that the
the ninety-fifth is the fact that the
the ninety-sixth is the fact that the
the ninety-seventh is the fact that the
the ninety-eighth is the fact that the
the ninety-ninth is the fact that the
the hundredth is the fact that the

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ. В РОССИИ

111

SAINT JOHN

NEW YORK, N. Y. 1843

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАЛМЫЦКИЕ СТЕПИ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕЛЮ

После перенесенного горя Илья Ильич больше чем когда-нибудь жаждал погрузиться в работу, видя в ней свое спасение. Поэтому его особенно заботило состояние глаз. Чтобы отдохнуть от микроскопических занятий, он решил хлопотать в Петербургском географическом обществе о командировке с антропологической целью. Знакомясь с антропологией, он приходил к выводу, что в науке этой еще не существует руководящей нити, что все в ней сводится к точным и подробным измерениям, без освещения общей идеи. Он спрашивал себя, не следовало ли бы применить к антропологии сравнительный метод, давший столь плодотворные результаты в эмбриологии? Нельзя ли провести аналогию между различными расами и возрастами отдельного человека? Для решения этого вопроса он хотел сначала ехать к самоедам, как к наиболее примитивному из инородцев России. Но план этот оказался неосуществимым; он решил ехать на собственные средства в астраханские степи для исследования калмыков, также первобытного народа монгольской расы. Перед отъездом он хотел повидаться со своими и с семьей жены.

Вот как описывала это свидание Надежда Васильевна Федорович:

«...Его воспаление глаз все еще продолжалось. Человек, которого я не могу себе иначе представить, как над микроскопом или с книгой, был лишен в такое тяжелое время всяких занятий. Нас изумляла его способность читать свои ученые книги в обществе, за чаем, за обедом. Он никого этим не стеснял, потому что в то же время слышал все, что вокруг

него говорят и принимал участие в общем разговоре, как и все. На следующее утро я пришла в его комнату, звать его пить чай. Он сидел в темной комнате; в руках у него были ножницы, и вокруг его стула пол был усыпан мелко нарезанной бумагой. Вот какое занятие он нашел себе! Тут он сказал мне, что если я хочу, то он переведется в Москву, будет жить и работать для нашей семьи. Я отказалась и сказала почему. Он был огорчен, но я была права. Кроме великодушия в этом предложении было желание найти какую-нибудь ближайшую цель жизни. Скоро после того он уехал в калмыцкие степи с целью антропологических изысканий. Его печальный облик часто рисовался мне среди этих степей“.

Предпринятое путешествие оказалось трудным и утомительным. Не зная языка, Илье Ильичу приходилось прибегать к переводчикам. Грубость служащих по отношению к калмыкам производила на него тяжелое впечатление; его уверяли, что иначе ничего нельзя добиться. При всякой перепряжке калмыки объявляли, что лошадей угнали в степь. Казак, сопровождавший Илью Ильича, начинал жестоко ругаться и грозить нагайкой. Тотчас, как по мановению волшебного жезла, появлялись лошади. Мало-по-малу Илья Ильич стал привыкать к этим сценам, смотреть на них как на местный обычай.

Труднее ему было свыкнуться с неопишуемой грязью, с пищей, пропитанной запахом и вкусом бараньего сала, и с постоянным ночным лаем собак. Все это дало значительно менее привлекательными первобытную жизнь и нравы. Но, несмотря на неблагоприятные условия, он работал запоем.

Измерения тела калмыков привели его к выводу, что монгольская раса представляет остановку развития, соответствующую по своему строению детскому возрасту кавказской расы. Так, он нашел, что все относительные пропорции скелета калмыков (крупная голова, длинное туловище, короткие ноги) соответствуют пропорциям ребенка кавказской расы. Вывод этот подтверждался и строением века, — калмыцкой складкой (эпикантус) у взрослых калмыков; строение это вполне сходно со складкой века, свойственной детям кавказской расы.

Эти интересные результаты несколько подняли дух Илья Ильича, тем более, что и глаза его успели немного оправиться. Однако по возвращении в Одессу он не мог еще микроскопи-

ровать и решил на каникулы следующего года вновь ехать в калмыцкие степи, чтобы продолжать предпринятые исследования.

На этот раз он начал путешествие с красивых ставропольских степей, покрытых роскошным ковылем и цветами; их аромат, беспредельная ширь, чистый воздух имеют особенную, чарующую прелесть. Но население и здесь, как и в астраханских степях, забито и апатично. Зависит это отчасти от того, что калмыки пьют молоко, подверженное спиртному брожению, которое их слегка, но хронически опьяняет.

Однако между ними встречались люди развитые, стоящие гораздо выше окружающего их уровня. Так, собирая этнографические справки, Илья Ильич познакомился с калмыцким священником — бакшой, который рассказывал ему столько интересного и поучительного о буддийской религии и организации духовенства, что возбудил в нем желание ехать с ним в Тибет, куда посторонний не может проникнуть без помощи посвященного. План этот, однако, не был осуществлен.

Собрав богатый антропологический материал, Илья Ильич вновь направился в астраханские степи через Маныч. Поправляя и пополняя свои прошлогодние наблюдения, он совершенно случайно набрел на оазис ¹, где русские делали опыты искусственного разведения леса, и нашел здесь многоножек с большим количеством яиц (*geophilus*). История развития этих животных была тогда еще мало известна, что составляло чувствительный пробел в эмбриологии. Радуюсь возможности пополнить его, Илья Ильич без колебаний предпринял длинное утомительное путешествие в Астрахань, чтобы добыть там микроскоп и пересмотреть драгоценный материал. Дорогой многие яйца, однако, погибли, так что ему пришлось с заемным микроскопом вновь ехать в другую лесную плантацию „Яндыки“, чтобы на месте исследовать непрочный материал.

Несмотря на очень тяжелые условия жизни в крестьянской избе и на утомление глаз, ему все же удалось пополнить пробел по истории развития найденных многоножек. В антропологическом отношении он также собрал крайне интересные данные.

Его гипотеза о пользе применения сравнительного метода, употребляемого в эмбриологии, вполне оправдалась; на осно-

вании этого метода ему удалось окончательно установить соответствие монгольской расы с детским и юношеским возрастными кавказской.

Он представил отчет своих исследований Московскому Антропологическому Обществу; но отвлеченный другими научными задачами, уже более не возвращался к этому вопросу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВТОРОЙ БРАК. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Ты мне, Гектор, отец и мать
высокочитая, и брат, и муж.

Илиада.

Занятия антропологией навели Илью Ильича на изучение детского возраста и в то же время на размышления о педагогических вопросах. Глаза его еще не оправились, потребность же деятельности была велика; чтобы сколько-нибудь удовлетворить ее, он стал давать уроки в женской гимназии и читать лекции на публичных курсах при университете.

Время проходило, но чувство одиночества не покидало Илью Ильича. Он расточал деятельную симпатию вокруг себя, жил совершенным аскетом, отдавая все, чем располагал, но ничто не утешало его потребности к более интимной привязанности и к семейной жизни.

В одном доме с ним, этажом выше, жила наша семья. Нас было восемь душ детей, от годового до шестнадцатилетнего возраста, — соседство шумное и, вследствие этого, неприятное. Ежедневно Илью Ильича будили рубкой котлет для детей. В одно прекрасное утро, не выдержав более, он поднялся к нам, прося устранить этот шум, и отец обещал распорядиться, чтобы не шумели ранним утром. Мы все были собраны за чайным столом перед уходом в гимназию. Увидя „чужого“, мы с сестрой поскорее собрали свои книги и затопились уходить, не успев даже разглядеть Илью Ильича; нас только поразила его необыкновенная бледность. Через некоторое время после этого эпизода мы встретились у общих знакомых. Оказалось, что он по виду уже знал нас, так как часто утром в окно видел, как мы шли в гимназию; его

смешило наше храброе перескакивание через постоянную лужу на улице.

Один из его учеников (Шманкевич) был преподавателем в нашей гимназии; Илья Ильич, расспросив его о нас, узнал, что я интересуюсь естественной историей и предложил давать мне уроки зоологии. Я была в восторге. Он просил разрешения моих родителей, получил его, и мы с большим рвением принялись за дело. Очень скоро, почувствовав влечение ко мне, Илья Ильич вернулся к своему прежнему плану, воспитать девочку на основании своих идей и подготовить из нее будущую свою жену. Быть может он и выполнил бы намерение сначала воспитать меня, а потом жениться, если бы вскоре не обнаружилась рознь взглядов между моим отцом и им. Это была рознь двух поколений — „отцов и детей“.

Мой отец был отличный, в высшей степени благородный человек, но принадлежал к типу „старого барина“, к эпохе других воззрений и нравов; столкновения были неизбежны. Ввиду этого Илья Ильич решил поскорее просить моей руки.

Мать, гораздо моложе отца, всецело симпатизировала молодому поколению. Идеалистка, полная поэзии и кроткой доброты, она была талантлива, в юности играла на виолончели и писала масляными красками, но раннее замужество и материнство заставили ее отказаться от искусства; тем не менее всю жизнь тоска по нем не покидала ее. Своим прелестным кротким и грустным обликом она напоминала мать в „Детстве и отрочестве“ Толстого. Между нею и Ильей Ильичом сразу возникла глубокая симпатия; она стала его горячей сторонницей и впоследствии нежно преданным другом. Он изложил ей свои теории брака и признался в любви ко мне. Моя юность, однако, смущала мать, но Илья Ильич старался успокоить ее, говоря, что понимает риск своего плана, что готов нести все его последствия, что сделает меня счастливой, а если это ему не удастся, найдет нравственную силу и сумеет создать мне новую, более подходящую жизнь.

Вовсе не подозревая чувств моего учителя, я была глубоко смущена, узнав о них; я совершенно не могла понять, как он, такой умный и ученый, может жениться на ничтожной девочке. Меня пугала мысль, что он ошибается во мне, и мне казалось, точно я иду на экзамен, к которому вовсе не подготовлена.

Я увлекалась Ильей Ильичом и очень любила его; он произвел сильное впечатление всей своей личностью не на одну меня. Вот как описывает его И. М. Сеченов в своей автобиографии:

„...Душой кружка был И. И. Мечников. Из всех молодых людей, которых я знал, более увлекательного, чем молодой Илья Ильич, по подвижности ума, неистощимому остроумию и разностороннему образованию я не встречал в жизни. Насколько он был серьезен и продуктивен в науке, — уже тогда он произвел в зоологии очень много и имел в ней большое имя, — настолько же жив, занимателен и разнообразен в дружеском обществе...“.

На мое юное воображение влияло также его грустное прошлое, его интересная внешность, несколько напоминавшая в то время Христа: бледное и худое лицо его было освещено добрым, лучистым взглядом, вдохновенным, когда он увлекался. Сердце влекло меня к нему, но я не была еще зрела для брака, и равновесие мое нарушилось неожиданностью событий. Боясь быть не на высоте Ильи Ильича, я старалась придумывать „умные“ разговоры, чтобы ему не было скучно со мной; но все, что я выискивала, казалось мне таким неловким и ничтожным, что я отбрасывала один проект за другим, пока не приходил Илья Ильич и не заставал меня врасплох. Он не понимал всей глубины моего смущения, и поведение ревностной ученицы не удовлетворяло его.

Свадьба наша состоялась 14-го февраля; зима была суровая; снег покрывал землю густой, искрящейся пеленой. За несколько часов перед свадьбой мои братья запряглись в салазки, чтобы покатать меня. „Иди скорей, — говорили они, — сегодня вечером ты будешь уже дамой, тебе нельзя будет больше играть“. Я была того же мнения, и мы с увлечением помчались по снежному ковру на большом дворе нашего дома. Наконец мама, вся взволнованная, стала звать через форточку: „Дитя мое, да о чем же ты думаешь! Давно пора причесываться, одеваться!“ „Еще немного, мамочка, ведь в последний раз!“.

Много ребяческих волнений пережила я в этот серьезный день... Венчальное одеяние было моим первым длинным платьем, и я боялась наступить на подол; с ужасом думала я о том, как войду в церковь под общими взглядами присутствующих. Мой маленький брат старался ободрить меня, обещая все

время держать за руку, а мама для храбрости поила меня шоколадом. У дверей церкви нас ждал уже Илья Ильич; мое смущение еще усилилось, когда слышались шопоты: „Боже, да она совсем дитя!“.

После свадьбы, вечером, Илья Ильич бережно закутал меня в теплую мантию и на быстрых саниах увез к нашему новому домашнему очагу. Несмотря на все волнения этого памятного дня, на следующее утро я встала на заре, чтобы как можно лучше приготовить урок по зоологии и сделать приятный сюрприз своему мужу.

Наконец он мог свободно приняться за мое воспитание. Трудная задача, когда дело идет о существе, столь мало подготовленном к жизни! Научные методы, во всем прилагаемые им, могли оказаться опасными в эту деликатную психологическую минуту. Однако во многих отношениях он проявил редкую воспитательную проницательность. Так, общим его принципом было предоставлять мне полную свободу, в то же время направляя и влияя логикой своей аргументации.

С благодарностью думаю я о том, как он, стоявший во столько раз выше меня, не только не подавлял моей личности, тогда еще гибкой и не установившейся, но, напротив, всегда бережно относился к ней.

Как вся молодежь того времени, я увлекалась политикой и социальными вопросами, не будучи достаточно зрелой для них. Дома отец, боясь последствий этого увлечения и не сочувствуя ему, запрещал нам посещать политические кружки. Илья Ильич, напротив, сразу дал мне полную свободу, хотя сам относился критически к увлечению молодежи. Он считал, что социальные вопросы и политика относятся к чисто практической области, для которой у юношей нет ни достаточной подготовки, ни необходимого опыта. Но он понимал, что все, похожее на насилие, имело бы лишь обратное влияние. Поэтому, нисколько не мешая мне знакомиться с политическим движением, он, однако, обсуждал его со мною и подвергал всестороннему анализу и критике. Этот образ действий оказался крайне рациональным; только благодаря ему не сделалась я одной из многочисленных политических жертв того времени.

Горячее участие принимал Илья Ильич решительно во всех сторонах моей жизни. До замужества я не успела сдать гим-

назических экзаменов и теперь должна была держать их по всему курсу перед экзаменационным комитетом. Илья Ильич помогал мне готовиться даже по катехизису, внося во все веселость и оживление. Интересным общеобразовательным чтением он скрашивал самые сухие материи. Сдав экзамены, я стала изучать биологию под его руководством. Он умел не только придавать всему необыкновенно интересное общее освещение, давать в руку путеводную нить, но старался одновременно развивать самостоятельность. Так, помощью практических занятий, он знакомил с представителями различных групп, я же должна была самостоятельно выводить их общую характеристику и определять их взаимную связь. Не в одном моем образовании принимал он живое участие, — он во всем приобщал меня к своей жизни, делился мыслями, вводил в свои занятия. Мы всегда много читали вместе; у него была отличная дикция, и он охотно читал вслух. Его радостью было баловать меня. Мы часто посещали концерты и театры. Драма и хорошая музыка трогали его до слез. В голове его постоянно носились музыкальные мотивы, которые он насвистывал, даже работая. Он не любил никакой роскоши, но неизменно содействовал эстетике нашего скромного жилья, потому что я была чувствительна к этому.

Во время наших путешествий, имевших всегда целью его научные занятия, он всячески старался попутно знакомить меня со всем интересным. У него был особенный дар делать путешествие поучительным и в то же время в высшей степени привлекательным. Его живость, общительная веселость, любознательность, способность все отлично организовать делали его несравненным товарищем и руководителем. В течение долгих лет работали мы вместе. Работать с ним было величайшим благом, потому что, щедро делясь своими мыслями, сообщая свое увлечение и интерес к исследованию он, в то же время создавал атмосферу тесного общения и искания знания и правды, и самому скромному работнику это позволяло чувствовать, что он участвует в выполнении высокой цели.

Хотя я всегда интересовалась научными вопросами, но страстью моей жизни было искусство. Однако вследствие узко-утилитарных понятий, господствовавших во время моей юности, я не позволяла себе предаваться ему, считая его „роскошью жизни“, пока народ еле умеет читать. Когда же, на-

конец, я отделалась от этой неверной теории и дала волю своему природному влечению, Илья Ильич первый действительно способствовал моему художественному образованию.

Он был гораздо менее чувствителен к пластическому искусству, чем к музыке. Краска и форма сами по себе мало трогали его; он гораздо более интересовался сюжетом, чем художественным выполнением его. Он любил серьезный психологический жанр, портрет и пейзаж; ни классика, ни эпоха Возрождения, ни импрессионисты его не трогали. Несмотря на рознь в наших взглядах на пластическое искусство, он неизменно живо интересовался моей работой и всегда деятельно поощрял меня в ней. Сколько раз ходил он в картинные галереи, искренно стараясь проникнуться красотой великих произведений!

Помимо музыки, он всего более наслаждался природой, быть может также оттого, что она служила ему неисчерпаемым источником наблюдения. Он предпочитал ясные, кроткие впечатления, вследствие потребности нервного успокоения. Особенно любил он тихие пруды, поросшие камышами и водяными растениями, где он тотчас принимался искать мелкое живье, таившееся под листьями и в тине.

Преподавание и общественная деятельность поглощали почти все его время. Часы отдыха посвящал он семейной жизни и интимному, дружескому кругу, с которым, помимо чисто личных, сердечных отношений, был связан общими научными интересами и солидарной университетской деятельностью. Он остался верен своим друзьям и после того, как жизнь разбросала их далеко друг от друга. Мы всегда были окружены людьми, потому что его отзывчивая доброта делала его центром притяжения.

После смерти его отца, в 1878 году, мать его с двумя внуками переехала жить к нам. Ей тогда было около 64 лет; она уже имела вид старушки, одевалась очень просто, не по моде, гладко причесывала свои почти совсем седые волосы, и одни ее большие живые черные глаза оставались молодыми и свидетельствовали о прежней красоте. Очаровательным было ее доброжелательное отношение ко всем; характер ее оставался веселым, отзывчивым и живым, но потребность к деятельности не могла быть удовлетворена вследствие состояния здоровья, которое часто беспокоило ее. Илья Ильич окружал ее нежной заботливостью, простиравшейся до самых мелочей жизни. Так, например, он, не выносивший карт, раскладывал с нею па-

сьянсы, возил кататься и осматривать рынок, который интересовал ее, как образцовую хозяйку. По возвращении домой из университета он обыкновенно тотчас присаживался около матери, заботливо расспрашивал ее о здоровье, говорил с ней в нежно шутилом тоне, рассказывал про университетские дела и т. д. Она всем живо интересовалась, особенно же тем, что касалось ее дорогого Или, „утешения ее жизни“, как она его называла. Несмотря на всю свою привязанность к ней, он удивительно стойко перенес ее смерть, зная, что вследствие болезни сердца, которой она страдала, ей предстояли бы одни все более и более тяжкие страдания.

Моя семья сделалась также его семьей. Отношения с моим отцом стали таковыми, что, уже больной и чувствуя приближение смерти, он поручил Илье Ильичу быть нашим опекуном. Нежная дружба между ним и моей матерью длилась до самой ее смерти, после которой он долго нес все семейные заботы и обязанности. С детьми — моими братьями и маленькой сестрой — он был шутивно добродушен и хотя баловал их, но постоянно старался быть им полезным, поскольку мог и умел.

Желанье добра всегда руководило им, но бывали случаи, когда он ошибался в оценке последнего для других и ему не удавалось достичь цели. Душа человеческая так загадочна, жизнь так сложна, так запутаны бывают ее комбинации, что иногда приходится судить не по результатам поступков, а по их побуждениям. Что касается лично меня, то его любовь, заботливость, доброта были всегда безграничны. Если первые годы между нами возникали иногда столкновения, то они были большею частью связаны лишь с моей юношеской прямолинейностью и его нервностью.

Были в нашей жизни и тяжелые испытания, но глубокая взаимная привязанность и дружба никогда не нарушались, — они всегда выходили из этих испытаний еще закаленнее и прочнее. Одно время Илья Ильич думал, что мое счастье призывает меня уйти от него, и всячески старался доказать, что я имею на это право. Благородство его поведения было лучшим нашим оплотом.

Чем дальше шли годы, тем ближе, тем лучше становились наши отношения. Мы прожили в глубоком общении, достигли той полной духовной связи, того взаимного понимания, при которых нет больше места для теней, — все свет.

есть
Всего
65
186

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРИОД ПРОФЕССУРЫ В ОДЕССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В тридцать лет личность Ильи Ильича была уже ярко определена, хотя он еще не достиг тогда полного расцвета своего развития. Характерной чертой его была сила призвания к науке; страстное поклонение ей и разуму делали его их вдохновенным жрецом. У него были достоинства и недостатки мощной, богато одаренной натуры. Отзывчивый всеми фибрами души, он щедро расточал жизнь и свет вокруг себя; страстный, — он впадал в крайности, не выносил посягательства на дорогие ему идеи, и малейшее нападение на них вызывало его к бою. Темперамент борца заставлял его часто идти напролом; препятствия только возбуждали его энергию; он преследовал свою цель с непоколебимой настойчивостью, никогда не покидал задачи, как бы трудна она ни была; ни лишения, ни жертвы не останавливали его, если он считал их нужными. В странном противоречии с этой железной волей находилась озадачивающая подчас импульсивность, как, например, та, вследствие которой не удалось его первое путешествие за границу, или которая выражалась резкими вспышками по поводу ничтожных обстоятельств, как назойливый шум, мяуканье кошки, лай собаки, трудность загадки и т. д. С возрастом эта раздражительность значительно уменьшилась, а под конец почти совсем прошла. Вспыльчив он был и в личных сношениях, но тотчас после первого взрыва наступал полный разряд; его желание загладить вспышку бывало трогательно, когда он чувствовал себя виновным. В противном случае он не легко забывал обиду и зло; однако чувство мести никогда не оскверняло его душу; с другой стороны, он всегда помнил добро с неизменной благодарностью.

Несмотря на свои пессимистические теории, доходившие в то время до того, что он считал преступным для сознательного человека производить на свет другие жизни, несмотря на его усиленную физическую и нравственную чувствительность, он тем не менее обладал непоколебимой бодростью; его врожденная веселость, унаследованная от матери, всегда брала верх. Он любил шутить; иногда его остроты задевали за живое, но только в силу их меткости, а вовсе не намеренно. Подчас он смущал чисто профессиональной привычкой называть вещи их именами, в аргументации прибегать к конкретным, личным примерам; но он применял тот же прием к самому себе; это был „объективный метод“ — не более; знавшие его, в этом не сомневались.

Его деятельная доброта не имела ничего слащавого, несмотря на почти женскую чувствительность; он был несравненным товарищем и другом, имел дар ободрять, внушать доверие и уверенность. Принимая участие в других, он легко становился на их уровень, находил с ними точки соприкосновения, наблюдения „документов жизни“, говорил он.

С одинаковым интересом и простотой беседовал он с низшей братией и сильными мира сего, со старым и малым. Но не один умственный интерес руководил им: он подходил к людям всем сердцем; именно это и делало его самого необыкновенно доступным.

Всегда открыто, подчас резко, высказывал он свое мнение. Правда стояла у него на первом плане. Он был вполне искренен с собою и другими; разве чувство жалости могло отклонить его от этого. Смело высказывал он свои убеждения, даже когда они шли вразрез с общепринятыми, даже когда должны были вредить ему. Он ревниво оберегал свою независимость, и ничто не могло его заставить поступить против своих убеждений. Остроумный, интересный, он оживлял все вокруг себя; кипучи были его мысли и деятельность; никакие вопросы не оставляли его равнодушным; он все читал, познания его были огромны, и он всегда охотно делился ими. Все эти свойства делали его притягательным центром как в частной жизни, так и в лаборатории и во всех сферах его деятельности.

От 1873 до 1882 года, помимо научных занятий, деятельность Ильи Ильича была главным образом сосредоточена на

преподавании и на внутренней жизни университета. Он вкладывал в них свою обычную пылкость. Лекции его отличались живостью и простотой изложения. Они всегда заключали обобщающие идеи, придающие интерес самым сухим фактам, которыми он пользовался, лишь как архитектор пользуется грубым материалом для возведения стройного здания. Благодаря этой творческой способности лекции его были художественны, несмотря на крайнюю простоту их. Он никогда не отделывал формы и не придавал ей значения; но красота ее сама собою создавалась богатством содержания, логическим развитием простых, всем доступных понятий, постепенно разрастающихся в симфонию стройных обобщений и выводов. Его собственное увлечение передавалось другим, вызывая живую связь с аудиториями.

Привожу выписку из письма, полученного мною в 1921 году от профессора Георгия Емельяновича Афанасьева, посещавшего публичные лекции Ильи Ильича в период профессорства его в Одесском университете. Вот что пишет Георгий Емельянович:

„...Мечников не только ученый, но и выдающийся профессор. Я слушал его лекции по эмбриологии, лекцию о целесообразности в природе, лекцию о фагоцитах и о туберкулезе.

...Лекция о фагоцитах, к слову сказать, вызвала во мне тогда трепет душевный своей широтой и образностью... Мечников был виртуоз, который говорил с такой кристаллической ясностью, что слушателю начинало казаться, что все это и он мог бы вперед сказать и что в этом и сомневаться невозможно. Когда он характеризовал процесс борьбы фагоцитов с болезнетворными бациллами, то эта борьба становилась такой яркой, что получалось чувство, как будто близко к вам существа борются с ихними и вместе вашими врагами. Когда же в заключении Илья Ильич захватывал эту борьбу на пространстве тысячелетий, чуть не с начала мироздания, и когда он выяснял, как человек с его наукою выступает в этой борьбе на стороне фагоцитов и что из этого может выйти, то получалась такая колоссальная картина, что у меня дух захватывало и мурашки шли по спине от этого необъятного размаха мысли...“.

Яркость воспоминания после стольких лет достаточно свидетельствует о силе впечатленья.

Между Ильёю Ильичом и студентами были отличные отношения, несмотря на то, что он нисколько не искал популяр-

ности. Не только не поощрял он тенденцию молодежи к политике, но, наоборот, употреблял все свое влияние, чтобы направить ее в сторону научных занятий. Он доказывал, что политические задачи требуют образования и серьезной практической подготовки. Без этого, говорил он, в социальной жизни получится то же, что было в медицине до вступления ее на почву точной науки, когда, чтобы лечить, достаточно было быть пожилой женщиной или знахарем. Тем не менее студенты всегда находили в Илье Ильиче горячего заступника в гонениях на них и серьезную опору в работе, если обнаруживали малейший интерес к ней. Он неизменно старался открыть и раздуть всякую искру священного огня. Влияние его на молодежь было велико благодаря независимости его убеждений и поведения. В административных сферах его за это считали „красным“ и чуть не агитатором. В действительности же он боролся только с косностью и гасительством, задерживающими развитие культуры и знания в России. Сам он называл себя „прогрессивным эволюционистом“, считая, что одно сознательное, внутреннее развитие может дать прочные результаты и вести к действительному прогрессу. Он полагал, что революция, особенно терроризм, большею частью надолго вызывают реакцию; что без развития сознательности в народной массе революция грозит лишь перевести деспотизм из одних рук в другие.

Социализм не удовлетворял его, потому что не предоставлял, по его мнению, должного простора личной инициативе и развитию индивидуальности, на которые он смотрел как на высшие факторы прогресса. Видя свою миссию в научной деятельности, не считая себя компетентным в политике, он избегал ее. Но так как научная деятельность находилась в тесной зависимости от положения университета, притесняемого реакционной политикой, то он принимал живейшее участие в делах его, с боя отстаивая его права и автономию. Однако и при этом он стремился оставаться вне партий и руководствоваться одними интересами науки. Вследствие этого ему случалось подавать голос как за крайнего левого, так и за крайнего правого, не разделяя политических взглядов ни того, ни другого, но принимая во внимание одни их научные заслуги.

В начале своего пребывания в Одесском университете он вел агитацию в пользу усиления научной деятельности препода-

давателей естествознания и даже подал об этом доклад в физико-математический факультет¹. Он доказывал, что профессора естественных наук для действительного знания своего предмета должны самостоятельно исследовать живую фауну и флору; ввиду этого он предлагал ряд мер, дающих возможность биологам получать командировки в такие времена года и местности, где они могли бы делать личные исследования. „Нет никакого сомнения, — говорил он, — что если предлагаемые меры будут введены в употребление, то научная деятельность по естествознанию расширится у нас весьма значительно. В таком случае недалеко от нас время, когда нашим молодым ученым окажется вовсе не нужным отправляться в немецкие университеты, и когда они будут ездить за границу уже с полной подготовкой для самостоятельных научных исследований“. Комиссия, рассмотревшая доклад, потребовала переработки его, вследствие „высочайшего повеления о крайней осмотрительности при испрошении командировок преподавателям“. Илья Ильич несколько изменил редакцию доклада, но, несмотря на то, что он был принят университетским советом, — министерство отвергло его, уже тогда начиная противодействовать всякому проявлению независимой мысли, даже чисто научного характера. Но вскоре положение университета стало еще тяжелее.

Во второй половине 70-х годов реакция в России все усиливалась, и в самом университете наступили условия в высшей степени неблагоприятные для научной деятельности. Одесский университет и раньше отличался партийными интригами. Профессора местного, малорусского происхождения относились враждебно к пришлым „москвичам“, но от этих дрызг местного характера можно было устраниваться. Между тем наступившая политическая реакция вызвала гораздо более серьезную рознь, основанную на „либеральных“ или „реакционных“ взглядах. Студенты, поглощенные политикой, совершенно перестали интересоваться наукой. При таких условиях нормальная научная деятельность становилась невозможной.

Видя, что политика и сверху и снизу охватывает университет, Илья Ильич, однако, все еще старался уйти от нее в лабораторию, но уже не находил спокойствия духа, необходимого

¹ В январской книжке „Природы“ за 1917 год приведен этот доклад (С. Я. Штрайх, стр. 110).

для научной работы. Он мог предаваться ей исключительно вне университета — во время каникул или командировок. Так тянулось до 1881 года, когда после 1 марта реакция достигла крайних пределов. Правительство всюду видело крамолу, без всякого законного повода преследовало так называемые „не-благонамеренные“ элементы.

Хотя университет еще номинально сохранял свою автономию и устав 63 года, но в действительности высшие власти постоянно противодействовали всякому проявлению его самостоятельности. Профессора, выбранные советом, утверждались министерством вовсе не сообразно научным достоинствам, а только по степени „благонадежности“. Кафедры стали наводняться невежественными и темными личностями.

Теперь дело касалось уже сохранения жизненных начал и достоинства университета, а потому силою вещей Илья Ильич был втянут в общий водоворот. Страстное, деятельное участие принимал он в борьбе за независимость университета до тех пор, пока была малейшая надежда отстоять ее. Как в советских, так и в факультетских заседаниях он никогда не упускал случая открыто и резко высказывать свое мнение, за что в университете его считали „беспокойным“ элементом. Но когда министерство стало систематически кассировать постановления совета, — всякий раз, когда они не соответствовали реакционному направлению, отнимая таким образом единственное средство борьбы, — тогда Илья Ильич решил уйти из университета; убеждения его этого требовали; к тому же нервы его больше не выдерживали вечных волнений и возмущения при виде того, что творилось.

В то время средства не позволяли ему жить без заработка, поэтому он заручился обещанием председателя полтавской земской управы А. Ф. Заленского выхлопотать ему место земского энтомолога. Написав одновременно прошение об отставке, он держал его в кармане до первого удобного случая. Последний не замедлил представиться.

Консервативная партия юридического факультета подняла вопрос о ранее признанной очень талантливой и дельной диссертации Герценштейна (ставшего впоследствии видным деятелем государственной думы и убитого черной сотней). Усматривая в ней социалистическое направление, партия эта желала нанести удар либеральному профессору, признавшему диссер-

тацию. Декан юридического факультета предложил впредь не принимать подобных диссертаций, на что факультет согласился. Все это вызвало целую бурю негодования в университете; студенты устроили враждебную демонстрацию декану, и волнения приняли очень серьезный характер, грозивший исключением многих студентов. Попечитель просил профессоров, имевших влияние на молодежь, между прочим Илью Ильича, уговорить студентов возобновить занятия. Профессора согласились под неременным условием удаления декана, вызвавшего волнения своим поведением. Попечитель обещал; волнения тотчас прекратились, но декан не был уволен, а некоторые студенты были строго и несправедливо наказаны. Тогда Илья Ильич подал прошение об отставке. Оно, конечно, было принято начальством с большим удовольствием.

Таким образом закончилась университетская деятельность Ильи Ильича.

Помимо университетских курсов Илья Ильич читал и публичные лекции. В те времена женщины допускались исключительно на медицинский факультет, поэтому публичные курсы давали им возможность расширить образование и посещались ими очень усердно. Илья Ильич относился крайне сочувственно к высшему женскому образованию, считая его необходимым для общего развития. Он, однако, не думал, чтобы женщина могла внести творчество в науку. Он считал гениальность „вторичным мужским половым признаком“. Женщины, говорил он, не создали ничего гениального даже в тех областях, которые были им издревле доступны, как музыка и всякие прикладные искусства. Слишком редкие исключения только подтверждают правила. Он, однако, на этом основании вовсе не считал женщину ниже мужчины, а только констатировал, что свойства их не одинаковы.

Университетские волнения и неприятности дурно отзывались на здоровье Ильи Ильича. Уже в 1877 году, вследствие крупной университетской истории ¹, у него в первый раз заболело сердце, — начало продолжительного болезненного пе-

¹ По поводу диссертации Постникова, против которой восстал профессор финансового права Цитович.

риода. В 1878 году он советовался в Вене с знаменитым клиницистом Бамбергером; тот, однако, не нашел у него ничего серьезного и ограничился запрещением курить и пить вино, чего Ильи Ильич и без того никогда не делал. Состояние его здоровья еще ухудшилось в следующем году, вследствие тревоги и утомления, связанных с моим заболеванием тяжелой формой тифа в Неаполе. Он ухаживал за мной, не покидая изголовья, со свойственными ему заботливостью и беспокойством и сильно переутомился. Болезненные сердечные симптомы сменились упорными головокружениями и бессонницей, что привело его к крайне нервному состоянию. На основании легкого затруднения речи он предположил у себя начало бульбарного паралича; это окончательно подкосило его, и в 1881 году, под влиянием нервного возбуждения, он решил покончить с собой. Чтобы скрыть от близких, что смерть его произвольна, он привил себе возвратный тиф, избрав именно эту болезнь для решения вопроса, заразна ли она через кровь. Ответ оказался положительным: он заболел крайне тяжелой формой возвратного тифа. Несмотря на серьезность своего положения, он, однако, продолжал отдавать себе отчет в окружающих событиях. Покушение 1 марта вызвало в нем сильнейшее волнение, так как он предвидел, что оно приведет к крайней реакции; выборы нового реакционного ректора заставляли его бояться еще большей реакции в самом университете.

Все это тяжело отразилось на ходе его болезни, усиливая угрожающее расстройство сердечной деятельности, усложненное разлитием желчи. Кризис второго приступа болезни сопровождался особенным чувством „умирания“. При этом в полусознании ему чудилось, что он решил вопросы человеческой этики, что доставляло ему несказанное удовлетворение. Впоследствии факт этот даже подал ему повод предположить, что смерть может сопровождаться приятными ощущениями. Но его сильная природа одолела все угрожающие симптомы.

Во время выздоровления у Ильи Ильича развилась величайшая жажда жизни, жизнерадостное настроение, какого он никогда не испытывал. Нравственное и физическое его равновесие вполне восстановилось, несмотря на последовавшее острое воспаление глаз (хориоидит) — следствие возвратного тифа. К счастью, оно не только не оставило следов на его зрении, но, напротив, после этого глаза его окончательно окрепли,

никогда более не беспокоили его, так что он мог безнаказанно очень много микроскопировать до конца жизни. Однако возвратный тиф, повидимому, был одной из причин развития той сердечной болезни, от которой он умер.

После возвратного тифа у него наступило как бы общее возрождение: в нем в высокой степени развилась любовь к жизни, здоровье сделалось цветущим, энергия и трудоспособность большими, чем когда-либо, прежний пессимизм молодости стал, наконец, постепенно блекнуть перед зарею зарождающегося оптимизма его зрелого возраста.

Пока слабость зрения еще не позволяла Илье Ильичу микроскопировать, он исследовал тех самых эфемер, мысль о которых спасла его в тяжелую минуту жизни. Он хотел выяснить, как действует естественный подбор относительно этих насекомых, живущих всего несколько часов, вовсе не питающихся из-за неразвитых ротовых органов, следовательно не подверженных закону борьбы за существование и не имеющих времени приспособиться к внешним условиям.

Летом 1875 года он изучал эфемер на Гмунденском озере и на Дунае. Он наблюдал брачный полет, к которому сводится вся жизнь взрослых поденок (*Palingenia longicauda*), завершающая длинную личиночную стадию их развития. Прозрачные насекомые носятся над водой как облака; из них, точно снежные хлопья, падают мертвые особи, — это трагический заключительный аккорд брачного полета. Илья Ильич хотел выяснить механизм такой внезапной, повидимому физиологической, смерти. Не получив определенного результата ни на этот раз, ни в следующем году на Кавказе, где он продолжал свои исследования, он окончательно убедился, что жизнь эфемер слишком коротка для того, чтобы на них решить интересовавшие его вопросы; поэтому, как только зрение его окрепло, он вернулся к прерванному изучению происхождения многоклеточных существ.

Исследуя развитие низших губок, он нашел у них три зародышевых пласта, как и у других типов животных, но пласты эти не представляют соответственной обособленности и независимости. У некоторых низших губок мезодерма появляется раньше энтодермы, которой дает начало. Имея общее про-

исхождение, оба эти пласта обнаруживают общие основные свойства. Таким образом подвижные амебоидные клетки мезодермы низших губок выполняют пищеварительную функцию в большей даже степени, чем клетки энтодермы, входящие обыкновенно в состав пищеварительных органов. Это несколько не удивительно, так как у первобытных существ функциональные признаки так же мало разграничены, как и морфологические. Они прочно устанавливаются только более высокой дифференциацией организма. Илья Ильич связал эти новые факты с наблюдением, сделанным им еще в 1865 году на низших червях, земляных планариях (*Geodermus bilineatus*). У них также вовсе нет обособленной пищеварительной полости, функция которой заменяется внутриклеточным пищеварением паренхиматозных клеток, заполняющих эту полость. Такое внутриклеточное пищеварение еще более приближает низших червей и губок к высшим инфузориям, с которыми они находятся в ближайшем родстве. Ввиду всех этих наблюдений, Илья Ильич спросил себя, не является ли вообще внутриклеточное пищеварение первичным? Разыскивая следы его в течение следующих лет, он нашел такое пищеварение у низших ресничных червей (*mesostomum* и *planaria*), а затем у кишечно-полостных (*coelenterata*) и у иглокожих.

Эти и другие наблюдения, сделанные им в период от 1876 до 1886 года, позволили ему окончательно установить, что первобытное пищеварение действительно внутриклеточное; низшие многоклеточные существа или не имеют обособленной кишечной полости, или она развивается лишь вторично, как, например, у гидрополипов и низших медуз. Но даже когда полость эта существует и функционирует, мезодермальные клетки могут также параллельно продолжать переваривать пищу.

Вопрос о первобытных, родоначальных предках многоклеточных не мог быть решен непосредственным наблюдением, потому что между одно- и многоклеточными существует пробел вследствие исчезновения промежуточных форм. Для пополнения этого пробела приходится прибегать к гипотезам, основанным на истории развития. В ней в общих чертах повторяются все низшие ступени, от которых произошло данное животное. Таким образом частная история развития отражает в себе общую эволюцию.

Илья Ильич и обратился к эмбриологии низших многоклеточных, стараясь на основании ее восстановить их происхождение, их связь с одноклеточными.

Яйцевая клетка всех животных соответствует одноклеточному организму. Только после оплодотворения подвергается она повторному делению, так называемой сегментации. Каждый сегмент соответствует новой клетке, а сумма их образует полный шар — бластулу, сравнимую с колонией одноклеточных животных. При дальнейшем развитии бластулы в ней обособляются зародышевые пласты (экто-, энто- и мезодерма), о которых была речь выше. Из них два первые могут образоваться путем втягивания (инвагинации) одного полюса бластулы внутрь ее полости; при этом стенка, оставшаяся наружной, становится эктодермой, а втянувшаяся часть образует внутренний пласт — энтодерму, выстилая внутреннюю полость, которая становится пищеварительной. Эта стадия развития, названная гастролой, имеет вид чаши с двойной стенкой: наружная из них — эктодерма, а внутренняя — энтодерма. Стадия эта была найдена Ковалевским у различных животных. Оказалось, что она вообще свойственна зародышевому развитию, и на нее стали смотреть как на первообраз многоклеточных. Геккель построил на этом теорию, по которой общий родоначальник должен был быть исчезающим низшим существом, сходным с этой стадией развития. Он назвал такое гипотетическое животное — гастрейя.

Однако Илье Ильичу удалось открыть у наиболее первобытных многоклеточных (губок, низших медуз, гидрополипов) общую всем им стадию развития, еще гораздо примитивнее гастролы, стадию без пищеварительной полости, и которая только позднее превращается в гастролоподобную форму. У этих низших животных он нашел иной способ образования энтодермы; вместо инвагинации, т. е. втягивания одной части стенки бластулы в другую, происходит миграция части клеток из стенки бластулы в центральную полость последней. На одном из ее полюсов клетки втягивают свой жгутиковый отросток, становятся амебоидными, подвижными, уходят в полость бластулы, размножаются в ней и заполняют ее в виде паренхимы, образующей внутренний зародышевый пласт — энтодерму с внутриклеточным пищеварением; из этого пласта возникают клетки пищеварительных органов готового организма

и мезодерма. Этим объясняется, что и последняя также заключает большое количество переваривающих клеток, даже когда они не входят в состав пищеварительных органов в тесном смысле слова. Илья Ильич назвал эту стадию развития паренхимой, на основании формы клеток, образующих энтодерму. Постоянство этой стадии у самых первобытных многоклеточных, столь простая амебодная форма клеток, дающих начало энтодерме, пример развития паренхимы в гастролоподобную форму у некоторых низших животных, отсутствие обособленной пищеварительной полости, — все это, по мнению Ильи Ильича, доказывало, что паренхима — первобытнее гастролы и на этом основании имеет больше права быть признанной первообразом многоклеточных. Он подтвердил свои выводы наблюдениями того, что наиболее первобытные формы даже во взрослом состоянии не имеют пищеварительной полости, а лишь внутриклеточное пищеварение (губки, турбеларии). Он заключил из всего этого, что архаический предок многоклеточных был скоплением переваривающих пищу клеток, без пищеварительной полости, существом, подобным паренхиме — первичной стадии развития низших существ. Поэтому он назвал такого гипотетического общего родоначальника — паренхимеллой.

Позднее, в 1886 году, изложив уже свою фагоцитную теорию, он окончательно формулировал свои взгляды на происхождение многоклеточных (в этюдах истории развития медуз) и переименовал паренхимеллу в фагоцителлу, так как название это указывает одновременно на первобытный способ пищеварения этого архаического существа. Итак, сведенный к простейшей форме общий предок многоклеточных, по мнению Ильи Ильича, должен был представлять известную аналогию с колонией инфузорий (*protospongia*), — колонией, состоящей из двух родов особей: одни — жгутиковые, образующие внешнюю оболочку, а другие — амебодные, способные переваривать пищу и находящиеся в центре колонии.

Быть может, интересно упомянуть, что Илья Ильич этой гипотезой, так сказать, предсказал существование подобных существ в статье о губках, напечатанной за год до открытия настоящих колоний жгутиковых инфузорий Севилле-Кантом в 1880 году.

Помощью таких колониальных одноклеточных, с одной стороны, и гипотетического существа (фагоцителлы), соответствующей

щей низшей стадии развития (паренхимале), с другой, — можно было таким образом восстановить связь между одноклеточными и многоклеточными животными: нераздельная колония становится многоклеточной особью.

Изучая генетическую связь существ, Илья Ильич в то же время усердно продолжал свои исследования внутриклеточного пищеварения. В 1879 году в Неаполе и Мессине ему удалось установить, что мезодермические клетки многих иглокожих и кишечнорастворных заключают в себе посторонние тела, несмотря на то, что снабжены обособленной и функционирующей пищеварительной полостью. Это доказывало, что даже сложные дифференцированные организмы сохраняют, однако, и примитивные клетки с самостоятельным пищеварением.

Все эти исследования касающиеся как единства происхождения многоклеточных, как клеток, входящих в их состав, так и внутриклеточного пищеварения, мало-по-малу подготавливали в уме Ильи Ильича создание фагоцитной теории.

Лето 1880 года мы провели в Киевской губернии, в имении моих родных. Злаки в то время сильно страдали от жуков (*anisoplia austriaca*), причинявших большой вред всему краю. Близко принимая к сердцу такое бедствие, Илья Ильич придумывал, как бы помочь ему. Несколько лет раньше, случайно заметив на окне большую мертвую муху, всю поросшую плесенью, повидимому причинившей ее болезнь и смерть, он спросил себя: нельзя ли бороться с вредными насекомыми, распространяя на них искусственные эпидемии?

Теперь он вернулся к этой мысли и усердно занялся разработкой ее. Найдя на трупах жуков (*anisoplia*) грибок *м ю с к а р д и н у*, обволакивающий его своими нитями, он успешно стал заражать здоровые особи этим грибком. Сначала он производил свои опыты лабораторным путем, впоследствии же граф Бобринский предоставил ему для этого опытные поля. Результаты оказались очень ободряющими, и он передал разработку прикладной стороны вопроса одному молодому энтомологу, Красильщику. Илье Ильичу же работа эта послужила исходной точкой для исследований инфекционных болезней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕРЕВНЯ

Весной 1881 года, тотчас после выздоровления Ильи Ильича от возвратного тифа, мы поехали к моим родным в Киев и застали отца умирающим. Он поручил Илье Ильичу быть опекуном семьи, которая переехала в Одессу, и мы поселились все вместе. Но уже через год умерла и моя мать. С тех пор Илья Ильич принял на себя ведение дел семьи.

Так как он никогда раньше не занимался сельским хозяйством, а наша семья жила на доходы с земельной собственности, то ему сразу пришлось ориентироваться в этой области. Значительную помощь оказал ему граф Владимир Алексеевич Бобринский, с которым он раньше познакомился по поводу исследований мюскарины.

Граф Бобринский имел на него большое влияние в том смысле, что отклонил его от прежних теоретических воззрений на земельные и хозяйственные вопросы. Раньше Илья Ильич считал общинное землевладение самой желательной формой; Бобринский же убедил его, что, по крайней мере в Юго-западном крае, эта форма не пригодна.

Илья Ильич пламенно желал быть полезным крестьянам своей деревенской деятельностью. Он начал ее с того, что отдал свое профессорское жалованье, полученное при выходе в отставку, на постройку школы в нашем имении Поповке, Киевской губернии. Но и это исключительно образовательное дело встретило немало препятствий со стороны властей, искавших в нем политическую подкладку.

Несмотря на то, что между Ильей Ильичом и крестьянами установились очень хорошие личные отношения, это не могло устранить многого, что вызывалось общим положением земель-

ного вопроса: недостатком крестьянского надела и примитивными способами ведения их хозяйства.

Незадолго до смерти отец унаследовал от своей тетушки землю в Чигиринском уезде (Красноселку), так что Илья Ильичу пришлось сразу заведывать обоими имениями и применяться к различным условиям каждого из них. Оба были в аренде у евреев, которых притесняли и власти и крестьяне; Илье Ильичу постоянно приходилось улаживать всякие столкновения. Особенно сложным было положение в Чигиринском уезде, где революционно настроенные крестьяне считали, что земля должна принадлежать им и что этого можно добиться, вытеснив арендаторов. Ввиду этого крестьяне производили постоянные потравы, вырывали свеклу и т. д.

Илья Ильич придумывал разные компромиссы, чтобы уладить дело; он уговорил арендатора сдать часть земли самим крестьянам; но из этого ничего не вышло, так как последние не выполняли договоров. Между тем отношения с арендаторами все обострялись. В 84-м году, предвидя неминуемую катастрофу, Илья Ильич обратился к местным властям, объясняя им, что положение очень опасно и может повести к непоправимому. Но никаких предупредительных мер не было принято, под предлогом, что еще ничего не произошло. Как бы в ответ, зачинщики потрав варварским образом убили сторожа, своего же крестьянина, мешавшего им делать выпасы. Тогда явились всякие административные власти; зачинщики и убийцы были арестованы и двенадцать человек сослано на Сахалин.

Все эти тяжелые события несказанно волновали Илью Ильича, особенно ввиду полного бессилия помочь делу. Как только выдел стал возможным, он продал часть нашей личной земли крестьянам; но это, по существу, не могло уладить общего положения. Помимо тяжелой нравственной стороны, все эти обстоятельства постоянно отвлекали его от научной деятельности. Поэтому он был очень счастлив, когда в 87-м году мой брат Николай, окончив Петровск-Разумовскую сельскохозяйственную академию, взял на себя управление семейными делами. Илья Ильич был также доволен, что, несмотря на свою неопытность и все затруднения, мог сдать дела семьи в удовлетворительном состоянии.

Благодаря наследству, полученному нами от моих родителей, он имел возможность отказаться от своей доли панасовского

наследства в пользу детей своего брата и, подав в отставку из Одесского университета, не искать места, а самостоятельно заняться научной работой.

Для своих исследований ему необходимо было ехать на море. И вот осенью 1882 года мы отправились на всю зиму в Мессину. Так как трое моих младших братьев и сестра были еще малы, мы со старшей сестрой не хотели расставаться с ними и взяли их с собой.

Илья Ильич, очень любивший детей, нисколько не тяготился ими, а, напротив, весело и бодро брал на себя все заботы путешествия и постоянно придумывал дорогой разные развлечения. Дети, чувствуя в нем баловника, всегда обращались именно к нему, „пророку“, как они прозвали его, за всякими „разрешениями“, когда не надеялись получить их от нас.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕССИНА И ФАГОЦИТНАЯ ТЕОРИЯ

Приехав в Мессину, мы поселились в маленькой кваргире, с чудным видом на море, за городом, в местечке Ринго, на самой набережной пролива. Помещение было тесное, так что лабораторию пришлось устроить в гостиной, но зато Илье Ильичу стоило только перейти набережную, чтобы найти рыбака, доставлявшего зоологический материал и возившего на экскурсии. Илья Ильич очень любил Мессину из-за ее богатой морской фауны, чудной природы и вида на пролив со спокойным очертанием противоположного Калабрийского берега. Теперь, более чем когда-нибудь, наслаждался он всем этим после пережитых университетских волнений и с увлечением предавался научной работе. Впоследствии он всегда любил вспоминать это пребывание, связанное с главной фазой его научной деятельности — созданием фагоцитной теории.

Много позднее по поводу землетрясения и гибели Мессины (1908) он написал воспоминания о ней, заканчивая их следующими строками:

„Таким образом в Мессине совершился перелом в моей научной жизни. До этого зоолог — я сразу сделался патологом, Я попал на новую дорогу, которая сделалась главным содержанием моей последующей деятельности. Я с особенным чувством вспоминаю это давно прошедшее время и с нежностью думаю о Мессине, катастрофа которой меня глубоко затронула. Говорят, что Мессину решено выстроить вновь на том же месте, но совершенно иначе, чем прежде... Это будут низкие здания, расположенные на широких улицах и построенные из особого материала. Это будет уже новая Мессина, не моя, не та, с которой у меня связано столько дорогих воспоминаний...“.

Илья Ильич продолжал заниматься вопросами внутриклеточного пищеварения и происхождения кишечного канала с генетической точки зрения; он предчувствовал, что разрешение этой задачи должно привести к крайне интересным выводам общего характера.

Исследования мезодермической пищеварительной деятельности у медуз все более убеждали его в том, что клетка мезодермы — остаток первичных пищеварительных элементов; у низших животных, как у губок, они функционируют еще не обособляясь; у других же (кишечнополостных и иглокожих), хотя энтодерма уже обособилась в пищеварительную полость, но подвижные клетки мезодермы сохраняют свои внутриклеточные пищеварительные свойства.

Еще ближе изучая эти явления, он наблюдал скопления мезодермических клеток вокруг введенных в организм зерен кармина. Все это подготовляло почву фагоцитной теории, и вот как сам он описывает зарождение ее ¹:

„В чудной обстановке Мессинского пролива, отдыхая от университетских передрыг, я со страстью отдавался работе. Однажды, когда вся семья отправилась в цирк смотреть каких-то удивительных дрессированных обезьян, и я остался один над своим микроскопом, наблюдая за жизнью подвижных клеток у прозрачной личинки морской звезды, — меня сразу осенила новая мысль. Мне пришло в голову, что подобные клетки должны служить в организме для противодействия вредным деятелям. Чувствуя, что здесь кроется нечто особенно интересное, я до того взволновался, что стал шагать по комнате и даже вышел на берег моря, чтобы собраться с мыслями. Я сказал себе, что если мое предположение справедливо, то заноза, вставленная в тело личинки морской звезды, не имеющей ни сосудистой, ни нервной системы, должна в короткое время окружиться налезшими на нее подвижными клетками, подобно тому, как это наблюдается у человека, занозившего палец. Сказано — сделано. В крошечном садике при нашем доме, в котором несколько дней перед тем на мандариновом деревце была устроена детям рождественская „елка“, я сорвал несколько розовых шипов и тотчас же вставил их под кожу великолепных, прозрачных как вода, личинок морской звезды.

¹ И. Мечников. „Мое пребывание в Мессине (из воспоминаний прошлого)“. „Русские Ведомости“, 1908.

Я, разумеется, всю ночь волновался в ожидании результата и на другой день рано утром с радостью констатировал удачу опыта. Этот последний и составил основу теории фагоцитов, разработке которой были посвящены последующие 25 лет моей жизни⁴.

В этом столь простом опыте Илью Ильича поразило основное сходство описанного явления с образованием воспалительного выпота¹ у человека и высших животных. Выпот этот, или гной, состоит из белых кровяных телец, лейкоцитов, которые тоже не что иное, как подвижные мезодермальные клетки. Но в то время как у высших при этом замешаны сосуды и нервная система, у личинок морской звезды, за отсутствием этих органов, все дело сводится к скоплению подвижных клеток вокруг занозы. Отсюда ясно, что сущность воспаления заключается в реакции со стороны подвижных клеток, между тем как явления со стороны сосудистой и нервной системы имеют лишь второстепенное значение.

Итак, рассматривая явление в его простейшем выражении, воспаление сводится к реакции мезодермальных клеток; Илья Ильич далее рассуждал следующим образом: воспаление у человека, в громадном большинстве случаев, возникает вследствие заражения микробами; следовательно сущность его должна заключаться в противодействии им со стороны подвижных мезодермальных клеток; будучи пищеварительными клетками, они должны уничтожать микробов, поедая их, и этим обуславливать выздоровление. Воспаление, следовательно, целебная реакция организма, а сопровождающие его симптомы² выражают акт борьбы мезодермальных клеток против микробов.

Чтобы проверить эти соображения, он стал исследовать, какие именно подвижные мезодермальные клетки личинок морских звезд и других беспозвоночных поглощают введенные в них микробы.

В Мессине в то время профессором зоологии был известный немецкий ученый Клейненберг, которому Илья Ильич сообщил свои опыты и теорию. Клейненберг очень увлекался ею, находя ее „чисто гиппократовской мыслью“. „Dass ist ein wahrer Hip-

⁴ Воспалительный выпот заключается в выхождении белых кровяных телец (лейкоцитов) крови сквозь стенки кровяных сосудов.

² Гной, краснота, жар, боль.

prokratischer Gedanke", — повторял он и советовал поскорее изложить ее в научном журнале. Илью Ильича также очень поощрял Вирхов, приезжавший в Мессину и видевший его опыты и препараты. Он находил их весьма доказательными, но в то же время советовал большую осторожность в истолковании явления, говоря, что в медицине принято как раз обратное объяснение: в то время думали, что белые кровяные шарики не только не уничтожают микробов, а, напротив, служат им благоприятной средой и разносят их по всему организму.

Илья Ильич навсегда сохранил глубокую признательность к Клейненбергу и Вирхову за их доброжелательное отношение при вступлении его в новую область своей научной деятельности.

Когда в Мессине наступила жара, мы переехали на прелестное Гардское озеро, в Риву, где он написал свою первую статью о воспалительной реакции у низших беспозвоночных и о поедании микробов их мезодермальными клетками. На обратном пути в Россию, в Вене, он зашел к зоологу Клаусу, у которого застал других коллег (Гробена и Гердера) и рассказал им свою теорию, видимо заинтересовавшую их. Не будучи знаком с древне-греческим, он просил их перевести наименование „пожирающие клетки“ на этот язык научной номенклатуры, и таким образом эти клетки были окрещены „фагоцитами“. Клаус предложил Илье Ильичу напечатать работу в его журнале, где она и появилась (*Untersuchungen über intracelluläre Verdauung bei wirbellosen Thieren. Arb. a. d. Zool. Inst. Wien. V, 2. 1883*).

Итак, новорожденная фагоцитная теория была очень хорошо принята как натуралистами, так и отцом целлюлярной патологии — Вирховым.

Вернувшись в Россию, мы поехали в свое семейное гнездо — Поповку, где Илья Ильич должен был заняться земельными делами, но где в то же время он пользовался каждой свободной минуткой для продолжения своих исследований. При наблюдении превращения личинок иглокожих ему раньше удалось видеть, что атрофирующиеся части их тела поглощаются подвижными клетками мезодермы. Исходя из этого факта, он надеялся найти физиологическое воспаление, т.е. такое, которое сопровождает нормальные, а не патологические явления. Он рассчитывал обнаружить его при атрофии

хвоста головастика во время превращения последнего в лягушку. Но вместо выхождения белых кровяных шариков он увидел, что ослабевшие элементы хвоста поедаются частью клеток самого мускульного пучка. Это выяснило ему, что фагоцитами могут быть не одни белые кровяные шарики, но и различные другие клетки мезодермического происхождения¹.

Осенью 1883 года в Одессе состоялся съезд врачей и естествоиспытателей, на котором Илья Ильич сделал первое сообщение о фагоцитозе. В своей речи „О целебных силах организма“ он фигурально сравнивал фагоцитов с армией, выступающей против нашествия врагов, и рассматривал фагоцитов как целебную силу организма. Начиная с этого сообщения, можно уловить уже первые проблески его будущего оптимистического направления. Открытием фагоцитарной реакции организма он сделал первую брешь в своем пессимизме относительно человеческой природы, разоблачив в самой этой природе целебные элементы, которыми наука может воспользоваться для борьбы с дисгармониями организма. Он начинал уже проникаться верою в могущество науки не только в этой борьбе, но и в установлении правильного мирозерцания вообще.

Он говорил²: „Теоретическая разработка вопросов естествознания (в самом широком смысле) одна только может дать правильный метод к познанию истины и вести к установлению законченного мирозерцания или, по крайней мере, к возможности приблизиться к нему“.

Однако до тех пор теория фагоцитов, как целебное свойство организма, была лишь гипотезой, так как Илья Ильич пока не наблюдал еще фагоцитоза при болезнях и не был знаком с патогенными микробами. Поэтому он поставил себе задачею исследовать их у низших животных, наиболее пригодных для этого, благодаря их простой организации и прозрачности. Ему удалось найти больных *дафний* — мелких, прозрачных ракообразных, которых легко наблюдать живыми под микроскопом (1884). Они часто заражены паразитическими грибами (*Monospora bicuspidata*), игловидные споры кото-

¹ В 1892 году он подробно развил это исследование и доказал, что фагоцитами являются клетки саркоплазмы мускульного пучка, которые поедают его сократительную часть — миоплазму.

² Вступительное слово председателя съезда естествоиспытателей и врачей в Одессе в 1883 году.

рых вместе с пищей проникают в кишечный канал и прокалывая его, внедряются в полость тела. Здесь на них тотчас нападают подвижные фагоциты дафнии и то в одиночку, то сообща захватывают их. Если им удастся переварить паразита, то дафния выздоравливает; в противоположном случае споры прорастают, выросшие из них грибки наводняют дафнию и убивают ее. Следовательно выздоровление или смерть зависит от исхода борьбы между фагоцитами и паразитом ¹. Таким образом было получено фактическое подтверждение гипотезы о целебных силах организма. Не удовлетворяясь наблюдениями над низшими животными, Илья Ильич обратился к высшим млекопитающим, чтобы и у них изучить фагоцитоз при патологических явлениях. В те времена из болезнетворных микробов всего лучше были известны сибиреязвенные палочки. Илья Ильич нашел, что фагоциты способны поедать только наиболее слабых из них, или ослабленных искусственно; что же касается вирулентных палочек, то они даже не захватываются фагоцитами. Кроме того он убедился в том, что у невосприимчивых животных фагоцитоз очень силен и, наоборот, что он слаб или отсутствует у восприимчивых животных ².

Таким образом возникал вопрос о причине невосприимчивости, — об иммунитете. Для изучения его Илья Ильич предохранял кролика вакцинами возрастающей силы и затем, впрыснув ему и контрольному (т.-е. не подвергнутому впрыскиванию) кролику очень вирулентную культуру, увидел, что у предохраненного кролика наступает сильнейший фагоцитоз, и кролик выживает, в то время как у контрольного фагоцитоза не обнаруживается, и он умирает. Илья Ильич объяснил эти факты постепенным приучением фагоцитов путем вакцинации к перевариванию все более вирулентных сибиреязвенных палочек. По его мнению, суть иммунитета заключается именно в приучении фагоцитов к борьбе с вирулентными микробами.

Убежденный в крайней важности этих фактов, он напечатал их в 1884 году в „Вирховском Архиве“ и с трепетом ждал выхода медицинских журналов, думая найти в них отклик. Но никто не обратил внимания на эту статью, видимо, не поняв еще ее значения.

¹ Virchow's Archiv. Vol. 96, 1884.

² Virchow's Archiv. Vol. 97, 1884.